МАРИНА
СЕРОВА
ЛЮБОВНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
Ведьмин камень
Серия
"Мисс Робин Гуд"

Марина С. Серова

Ведьмин камень

Серия «Мисс Робин Гуд»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433092
Марина Серова. Ведьмин камень: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44530-1

Аннотация

Сын потомственной ведьмы Ярославы – Андрей требует, чтобы Полина Казакова, известная в городе как Мисс Робин Гуд, помогла отомстить брату его матери. Андрей уверен: дядя убил мать, обварив кипятком. Сердце пожилой женщины не выдержало болевого шока и остановилось. К тому же после ее смерти пропал старинный золотой перстень с черным турмалином – ведьминым камнем, передававшийся в семье из поколения в поколение вместе с даром целительства. И кстати, по оценкам зарубежных ювелиров, он стоит целое состояние! Однако Полина не спешит судить и наказывать. Она уверена: всякую информацию надо тщательно проверять!..

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 29
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Марина Серова
Ведьмин камень

Глава 1

День не задался с самого утра. Алина приехала ко мне ни свет ни заря и с порога засыпала меня новостями, не представляющими для меня абсолютно никакого интереса. Я пыталась тактично намекнуть ей об этом, но то ли мой намек был слишком тонким, то ли подруга умела хорошо притворяться, только она не перестала рассказывать мне про своих знакомых Маш-Даш-Саш. Мало того, Нечаева широко открыла свои большие голубые глаза и таинственным голосом зашептала:

– Ой, Полина! Что я тебе сейчас расскажу!..

Такое вступление предвещало новую историю часа на полтора. Я мысленно скрипнула зубами и приготовилась к самому худшему.

– Помнишь, когда мы уходили из магазина Алены Дьяченко, я прихватила оттуда книгу и коробочку, лежащую на ней?

Разумеется, я это помнила. Это было последнее мое дело. Алина помогала мне, работая по моей просьбе в магазине драгоценных камней продавцом и выполняя попутно роль «засланного казачка». Она добросовестно справлялась со своими обязанностями целых три недели, получив лишь тысячу рублей в качестве аванса. Так и не дождавшись от хозяйки Алены Дьяченко достойной зарплаты за труды, Алина, уходя из магазина, в качестве оплаты за свою работу прихватила какую-то книгу и маленькую коробочку, лежащую на ней. Тогда мы не знали, что это такое. И вот теперь, спустя несколько дней, подруга приехала ко мне и стала рассказывать просто невероятные вещи:

– Полина, ты представляешь, книга оказалась очень старой, ее выпустили еще в начале XX века, то есть более ста лет назад. Нет, это даже подумать страшно – сто с лишним лет! Там описываются самые разные камни и минералы – от обыкновенного алебастра, из которого тоже всякие поделки изготавливают, до алмаза. И не только описываются сами камни, но и их свойства – магические и лечебные. Эта наука называется литотерапия, и она является одной из самых древних. Оказывается, еще на заре человечества всякие там шаманы и врачеватели лечили больных с помощью минералов. Все древние культуры в Египте, Аравии, Персии, Индии, Китае и еще где-то там... не помню, имеют трактаты, описывающие влияние камней на самочувствие или на болезни человека.

– И ты в это веришь? – с сомнением спросила я.

– Во что? В то, что камнями можно лечить? Конечно, верю! Это же не вчера обнаружено, это подтверждено опытом нескольких столетий. А ты знаешь, что почти за каждым видом драгоценного камня в истории тянется длинный мифологический шлейф преданий о его целительных и магических способностях?

– Неужели? Но ведь это только предания! Это еще не означает, что все эти свойства минералов *доказаны!*

– Конечно, доказаны! – кипятилась подруга. – Еще как доказаны! Ну вот смотри... У тебя есть какой-нибудь драгоценный или полудрагоценный камень?

– Собираешься продемонстрировать мне его лечебные свойства? Только ведь драгоценных камней у меня нет, и я ничем не болею.

– Жаль!.. Я в том смысле, что камней у тебя нет. Если бы ты болела, то я с помощью какого-нибудь камня могла бы тебя вылечить и на деле доказать тебе его силу. Но раз ты

здорова... Кстати, наслать на человека болезнь или порчу с помощью камня тоже не составляет труда.

– Неужели? И какие именно камни занимаются таким неблаговидным занятием?

– Зря иронизируешь. Есть такой камень – черный турмалин. По-другому его называют шерл. Турмалины вообще лекари. Например, зеленый лечит печень, нервную систему, кровообращение и кожу. Синий считается камнем мира и спокойного сна. Что смеешься? Да, да, он лечит бессонницу. Бесцветные – создают равновесие духовных и физических сил, очищают сознание. Красный – талисман художников, он развивает у них творческие способности. А вот черный турмалин – особенный. Это камень ведьм. С его помощью женщины в Средние века вызывали нечистую силу, засуху, мор, наводили порчу, отвораживали и привораживали... хотя можно и лечить им.

– Это ты все в той книге прочитала?

– Да. А самое интересное – помнишь ту коробочку, которую я прихватила в магазине вместе с книгой? В ней оказался старинный золотой перстень с массивным камнем, и камень этот – шерл!

– Ну и что?

– А то! Я теперь могу с его помощью вызывать нечистую силу, наводить порчу и вообще подчинять себе волю других людей.

– А засуху и мор?

– Легко! Только мне это без надобности. Представляешь, что будет, если в нашем городе сейчас начнется засуха? Для меня важнее, что я могу заглядывать в будущее, потому что этот камень развивает необыкновенные интуитивные способности у своего владельца.

– Откуда ты знаешь, что это именно старинный перстень? Может, он современный и никаких особых свойств у него нет?

– Полин, ну ты даешь! Во-первых, описание перстня я прочитала в книге. Оно – один в один соответствует моему перстню! Во-вторых, его магические свойства я уже проверила и убедилась: камень работает!

Глаза у Алины горели, как у настоящей ведьмы. Она говорила со мной зловещим шепотом, и я невольно подумала, что камень действительно оказывает на нее магическое действие.

– Докажи, что он работает, – неожиданно для себя самой попросила я.

– Легко! – Нечаева полезла в свою сумку, достала свой необыкновенный перстень и надела его на левую руку. Он был ей великоват, даже на среднем пальце смотрелся нелепо. Но Алина сказала, что это совсем неважно, главное – *иметь* у себя камень *и верить* в его силу. Я смотрела на все это скептически, не в силах сдержать усмешку.

– Не улыбайся! – предупредила подруга. – Это не шутки, между прочим. Здесь все серьезно.

Я постаралась изобразить на лице самое что ни на есть серьезное, даже озабоченное выражение. Нахмурила брови, плотно сжала губы, взгляд вперила в перстень на руке Алины. А он действительно был очень похож на старинный. Витиеватые узоры вокруг большого черного, как безлунная ночь, камня с крохотными серебристыми прожилками. Эти сверкающие полоски притягивали взгляд, и чем больше я на них смотрела, тем больше мне хотелось это делать. Я вдруг действительно ощутила магическую силу камня. Ну, нет! Еще чего! Что за средневековое суеверие!

– Готова? – спросила меня Алина.

– К чему? – хотела спросить я, но почему-то вместо этого ляпнула: – Готова!

– Загадываю желание, – предупредила меня подруга.

– Какое?

– Тихо, не разговаривай.

– Что, и разговаривать нельзя? – осведомилась я шепотом.

Алина сузила свои голубые глаза, пристально посмотрела на камень, прошептала что-то невнятное, как мне показалось, обычную белиберду. Бредит, решила я, довела себя старинными книгами, магией и волшебными булыжниками. Эх, жалко, хорошая у меня была подруга. С детского сада...

– ...Темные силы буди, буди... Добра молодца ко мне приведи, приведи!..

Ага, хотела сказать я, сейчас он сюда и прибежит! Вот прямо к нам домой тепленького и приведут.

– Ты какого заказала? – спросила я Нечаеву. – Надеюсь молодого, симпатичного и холостого? Другие, сама понимаешь, нам ни к чему.

– Не волнуйся, именно молодого и симпатичного. Тебе понравится.

Алина с любовью погладила камень в перстне пальчиком. Подышала на него, потерла о свою юбку, рассмотрела на свет.

– В книге говорится, что камень обладает очень мощной магической силой. Кстати, и стоит, как чугунный мост! В восемнадцатом веке один граф давал за него свое имение.

– Да ты что?! Страшное дело... А если его продать?

– *Продать*? Полина, ты шутишь? Кому? Кто может заплатить за него такие деньги? Я посмотрела в Интернете, сейчас перстень стоит один миллион долларов... Да и потом, зачем продавать, когда можно самим пользоваться его волшебной силой... Интересно, как он попал к Алене Дьяченко?

– Теперь уж мы этого никогда не узнаем... Прежняя хозяйка унесла эту тайну в могилу...

– Вот видишь, *в могилу*. Я же говорю: перстень не простой, он сам решил покарать прежнюю хозяйку за ее темные делишки.

– Не без нашей помощи... Алина, а что же твой молодой красавец не идет? – хитро сощурила я глаза.

– Не волнуйся, придет! – уверенно ответила подруга и хотела что-то еще добавить, даже открыла рот, но в этот миг раздался звонок в дверь.

Мы с Алиной воззрились друг на друга.

– Кто это? – удивленно спросила она.

– Как – кто? Кого заказывала. Молодой, холостой, незарегистрированный. Или ты еще кого-то наколдовала? Может, там их несколько, на выбор?

Пришедший напомнил о себе еще одним звонком. Мы с Нечаевой, как по команде, бросились в прихожую.

Я не знаю, как насчет семейного положении, но то, что человек за дверью оказался действительно молодым и на внешность привлекательным – было неоспоримым фактом. Высокий брюнет с темно-карими глазами и мужественным подбородком смотрел на нас, переводя взгляд с меня на Алину, и наконец спросил:

– А кто из вас будет Полина Казакова?

Алина ткнула мне в плечо указательным пальчиком:

– Она.

Брюнет подался чуть вперед и сказал мне доверительно:

– Мне надо с вами поговорить. Это очень важно... Ваш адрес мне дала одна знакомая...

Через пять минут мы с брюнетом сидели в гостиной в стиле хай-тек. Он представился Андреем. Его прислала ко мне наша общая знакомая, которой я помогла в свое время. Андрей теребил в руках бейсболку, которую он почему-то не оставил вместе с ветровкой и ботинками в прихожей. Должно быть, именно для этого – теребить сейчас ее в руках. Мне казалось, что он излишне нервничает: руки его мелко дрожали. Впрочем, когда он начал свой рассказ, мне стало ясно почему:

– Полина! Я хочу его убить! Его просто *необходимо* убить! Вы понимаете? И я сделаю это.

Что ж, впечатляет. Будем считать, что он меня заинтриговал.

– Андрей, а нельзя начать все с самого начала? Давайте по порядку: кто сделал вам плохо? За что? Кого вы сейчас хотите убить? Почему с этим человеком не разбирается милиция?

Молодой человек посмотрел на меня удивленно. Казалось, он не понимает, как это я не знаю, кто сделал ему плохо.

– Да он же! – вскричал Андрей. – Дядя Коля! Я его хочу убить!.. Но тогда я, наверное, сяду в тюрьму...

Так, уже кое-что начало проясняться. Нарисовался какой-то дядя Коля, которого мой новый знакомый во что бы то ни стало хочет прихлопнуть.

– Андрей, а кто такой дядя Коля? – осторожно спросила я, видя, как парень нервничает.

– Как кто? Дядя.

– Понятно.

Ему понятно. Но не мне. Откуда я знаю, кто он такой, этот дядя? Сосед, а может, родственник? А может, вообще случайный знакомый, попутчик в поезде?

– Чей дядя? – спросила я осторожно.

Андрей снова посмотрел на меня удивленно:

– Мой, конечно, не ваш же!

Уже хорошо. Хорошо, что не моего дядю собираются грохнуть. Хотя и дяди-то у меня нет. Но за что же посетитель хочет прибить собственного дядюшку?

– Андрей, скажите, а что настолько плохого сделал вам ваш дядя, что, как вы считаете, он достоин смерти?

– Да он убил мою маму! – Андрей вскочил с кресла. – Он – ее – убил! – повторил он с расстановкой.

– Это ужасно. Примите мои соболезнования.

– Спасибо. Теперь я хочу убить его.

– Что ж, ваше желание вполне объяснимо, но скажите, почему этим не занимается милиция? Нет свидетелей?

– Разумеется, нет. Он убил ее дома, по-тихому, а его любовница обеспечила ему алиби.

Ну что же, вполне понятно. На такое зрелище соседей не приглашают.

– Простите, а как именно дядя Коля убил вашу маму – свою сестру, я правильно говорю?

– Да, они родные брат и сестра. Убил он ее очень жестоко, прямо как последний гад, садюга! Он обварил ее кипятком.

– Всю?! – не удержалась я от возгласа ужаса.

– Не совсем всю... От пояса до самого низа – живот, ноги... немного грудь.

– Но, насколько я знаю, это не такая уж большая область ожога. Современная медицина...

– Да что ваша медицина, Полина! Они ее только до больницы и довезли! Там она и умерла, среди полсотни врачей! Они же не врубились, что у нее слабое сердце. Как мне потом сказали, она умерла от болевого шока...

Андрей закрыл лицо бейсболкой. Я ждала. Посетитель посидел так некоторое время, потом открыл лицо и продолжил рассказ уже спокойнее:

– Конечно, в милиции завели уголовное дело. Сначала. Вызывали всех родственников – меня, дядю Колю и сожительницу его... Больше у мамы никого не было. Отец умер пять лет назад.

– Андрей, вы живете все вместе?

– Нет, конечно. Я живу отдельно, снимаю комнату. Мне так лучше, проще. Я парень самостоятельный, давно уже зарабатываю себе сам, получаю неплохо. Да и к работе эта комната ближе. Я – системный администратор в супермаркете, а комнату эту сдает наш главбух. Она в пяти минутах ходьбы от моей работы. А мама жила на улице Комсомольцев-Добровольцев. Там у них на двоих с дядей Колей – «двушка». Комнаты изолированы, одну занимала мама, другую – дядя со своей шлюхой. Так что, сами понимаете, мне там места не было. Не в ванной же мне ночевать.

– Да, это понятно. А что, у вашей мамы с ее братом были конфликты из-за квартиры?

– Еще как были! Я и следователю сказал об этом. Дядя Коля со своей бабой хотел жить отдельно, а маму выселить. Только ей-то идти было некуда, вот они и лаялись. Я с ним сколько раз разговаривал по этому поводу, просил, чтобы он маму оставил в покое, а он на меня орал, чтобы я не лез не в свое дело, обзывал щенком...

– А вы тоже в той квартире прописаны?

– Разумеется. Я там родился и вырос... Полина, вы понимаете, ему обязательно надо отомстить! Не могу я вот так... Мою маму убили, а я что, должен простить? Если ему это убийство сойдет с рук, он и меня может... как маму. И будет жить и наслаждаться в нашей квартире со своей шалавой. Не могу я этого допустить. Только если я сам его грохну, меня ведь посадят и на моей карьере можно будет поставить крест. Кто потом возьмет на работу уголовника? Да и замуж за меня кто пойдет? А я еще собираюсь жениться, детей завести.

Андрей смотрел на меня так жалобно, что я едва не растрогалась. Действительно, такой молодой, симпатичный... Жалко будет, если его посадят.

– Андрей, а сколько вам лет? – как бы между прочим спросила я.

– В следующем месяце двадцать восемь будет. А что?

– Да так, ничего.

А он очень не любит сожительницу своего дяди. Называет ее то шлюхой, то бабой, то шалавой... И за что, собственно, ему ее любить! Да, «теплые» семейные отношения. Можно даже сказать, горячие. Почти кипяток. Впрочем, чему тут удивляться?

– Так вы возьметесь или нет? – Андрей продолжал теребить в руках бейсболку. Еще немного – и он раздербанит ее окончательно.

– А что, по-вашему, я должна сделать с вашим дядей?

Андрей посмотрел на меня с недоумением. Даже бейсболку оставил на минуту в покое.

– Как что? То же, что он сделал с мамой.

– Обварить кипятком?

– Ну да. Пусть сам испытает на себе, каково это – быть сваренным заживо.

– И как, по-вашему, я смогу это сделать?

Посетитель замялся:

– Ну, не знаю... Надо подумать... Мне сказали, что вы очень умны и изобретательны.

Конечно, слышать о себе такое лестно, однако этот комплимент не способен вскружить мне голову.

– Хорошо, Андрей, я подумаю. Оставьте мне ваш сотовый, я вам перезвоню.

После его ухода Алина вышла из моей комнаты:

– Полин, я все слышала.

– Ты что, подслушивала?

– Естественно. Жуть! Надо же, сварили женщину, можно сказать, заживо... Обязательно возьмись за это дело, Полина. Андрей прав: надо этого дядю... как он... Кипяточком до пупочка.

– И ты туда же! Это легко сказать! Ты представляешь, *как* можно такое сделать?

– Легко!

– Наколдуешь с помощью своего волшебного перстня?

– А почему бы нет?

– Алина, я говорю серьезно.

– А я что, несерьезно?! Ты же сама видела: загадали мы видеть у себя молодого человека – нате вам, пришел! И в плане мести тоже наколдуем. Берись, Полина, берись и даже не думай! Я тебе буду помогать...

– Спасибо, конечно. Я в тебе не сомневалась. Только ведь я, как всегда, сначала буду все проверять.

Алина подошла к зеркалу и стала моделировать свою прическу, то убирая челку, то приподнимая ее надо лбом и делая короче.

– А может, мне закрутить с нашим новым знакомым? – спросила она.

– Это еще зачем?

– Ну, как зачем? Молодой неженатый мужчина, высокий, на внешность ничего... Ты заметила, какой у него мужественный подбородок? А какие выразительные глаза! Что ж такому добру пропадать?

– Потом закрутишь, когда дело закончим. У этого подбородка, судя по всему, куча проблем.

– Ах, какая ты, Полина, прозаичная! Нет в тебе романтики и возвышенных чувств. Потому и любовь свою найти не можешь.

Вскоре Нечаева ушла. Она записалась на курсы литотерапии и торопилась на очередное занятие. А я достала из футляра свой саксофон и заиграла одну из мелодий Луи Армстронга. Она называлась «Разлука» и была очень грустной. Все-таки день я считала испорченным, несмотря на появление нового знакомого, потенциального клиента. И раз уж у меня не получилось сегодня провести день в кресле у камина с любимой книжкой, добью-ка я его окончательно и позвоню моему старому приятелю Антону Ярцеву. Он работает журналистом в нашей местной газете «Горовск сегодня». Мы были знакомы давно и почти дружили. Во всяком случае, время от времени Антон приглашал меня на очередную тусовку горовских знаменитостей, а я обращалась к нему за информацией. Ярцев умудрялся быть в курсе многих городских событий, а если чего-то не знал он, то его друзья-журналисты знали наверняка. Я набрала номер этого папарацци, и вскоре услышала приятный знакомый голос:

– Ярцев слушает.

– Антон, привет. Это Полина. Как твои творческие успехи?

– Привет. Твоими молитвами. А ты по делу или как?

– Или как. Нужна информация. Ты, надеюсь, не занят?

– Смотря что называть занятостью. Вообще-то у меня скоро заканчивается рабочий день. Но, возможно, придется задержаться.

– Срочная работа?

– Да. Надо закончить заметку. Завтра в девять-ноль-ноль она должна лежать на столе главного.

– Намек поняла. Так я подъеду?

– Как тебе откажешь? Подъезжай, конечно.

Через полчаса я сидела в крохотном кабинетике Антона, который он делил со своим молодым коллегой. Того, по счастью, не было на месте, и мы могли спокойно поговорить.

– Так что там у тебя, Мисс Робин Гуд? Кого на это раз покарает суровая рука возмездия?

– У меня, как всегда, ужастики семейного масштаба. Буквально из-за нескольких квадратных метров брат обварил кипятком родную сестру.

– Да, похоже, этот мир давно сошел с ума. Она лежит в больнице?

– Она лежит на кладбище.

– Так она умерла?

– Причиной ее смерти стали не ожоги, а слабое сердце. Болевой шок.

– Печально. Так что ты хочешь знать?

– Как всегда, все, что только можно раскопать. И желательно обо всех участниках этой трагедии.

– Так-так... Я что-то слышал об этом, но только краем уха. Кто-то из наших занимался этим делом с неделю назад... Подожди здесь, я схожу расспрошу своих.

Ярцев вышел, а я некоторое время сидела в кабинете и, чтобы занять себя, просматривала газету, оказавшуюся на его столе. Вскоре Антон вернулся, плюхнулся на свой стул и посмотрел на меня с сочувствием:

– Извини, Полин, раскопать удалось немного. Заметку писал стажер, там всего-то пятнадцать строк в рубрике бытовых происшествий. Короче, эта семейка проживает в двухкомнатной квартире. Брат – Солдатенков Николай со своей сожительницей Эвелиной Раневич занимает маленькую комнату. Его сестра – Ярослава Львовна Лютикова с сыном – большую. Только сын Андрей с матерью не живет, снимает отдельную квартиру. Все произошло недели две назад. Соседка из квартиры напротив вышла на лестничную площадку, хотела то ли мусор вынести, то ли еще зачем... Услышала крики за дверью своих соседей, стала стучать, ей не открыли. Тогда она вызвала спасателей. Те вскрыли квартиру и увидели на полу женщину в луже воды, она уже была без сознания. Ее отвезли в ожоговый центр, так как нижняя часть женщины была вся красная и в волдырях, и спасатели поняли, что это сильный ожог. Но спасти Ярославу Львовну не удалось: действительно, она умерла от болевого шока, как ты и сказала. Следствие ведется. Подозреваемый номер один – брат покойной, Солдатенков Николай. Сын погибшей считает, что дядя убил его маму из-за квартиры. Вот, собственно, и все. Мало?

– Сколько есть. Спасибо и за это, Антон. Будет от чего оттолкнуться. Кто ведет следствие – неизвестно?

– Нет. Заметка писалась, когда еще все только случилось, так сказать, по горячим следам. Главред не давал задания копать глубже, да и что там можно накопать? Ну, убил брат сестру, кого сейчас этим удивишь? Всем хочется жить отдельно, всех жутко раздражают родственники на кухне и в ванной. Даже сын погибшей не жил с матерью и дядей, предпочитал самостоятельность.

Я встала, собираясь прощаться. Антон пошел проводить меня до выхода.

– Так племянничек теперь требует наказать дядю, я правильно понял?

– Правильно. Уверен, что это сделал он, и хочет сварить дядю вкрутую.

– Кровожадные нынче пошли племяннички. Ты их нянчишь маленьких, на плечах катаешь, «тетрисы» им даришь, в зоопарк водишь, а они, вырастая... Я уж начинаю побаиваться своего племяша.

В это время мы с Ярцевым вышли на крыльцо редакции.

– Давай, Антон, пока!

– Не пропадай, Полин.

Я ехала домой в своем «Мини Купере». Конечно, те сведения, которые я получила от Антона, были недостаточны, но я теперь хотя бы знаю имена и фамилии участников этой трагедии. Теперь можно позвонить дядя Сереже, моему знакомому полковнику ФСБ, и спросить у него, кто ведет это дело. Так или иначе, но, прежде чем сварить брата погибшей в кипятке, как того требует ее сын, мне предстоит выяснить, почему следствие посчитало этого дядю Колю невиновным. И каким образом его даме сердца удалось обеспечить своему бойфренду алиби.

Я достала мобильник из сумочки, включила телефон Сергея Дмитриевича и вскоре услышала его голос:

– Полковник Курбатов слушает.

– Дядя Сережа, здравствуйте, это Полина.

– Здравствуй, Полиночка. Давненько ты не объявлялась. Как вы там с дедом поживаете?

– Спасибо, неплохо. Приходите к нам в гости – все новости расскажем вам лично.

– Ну, раз приглашаешь...

– Приглашаю, приглашаю. А у меня, дядя Сережа, к вам просьба...

– Я догадался. Слушаю тебя внимательно.

И я рассказала Сергею Дмитриевичу все, что узнала сегодня от Андрея Лютикова и Антона Ярцева. Дядя Сережа обещал выяснить, кто ведет это дело, и потом перезвонить мне. Я убрала мобильник в сумку и отправилась домой. На сегодня мои дела закончены, можно и отдохнуть.

Глава 2

Дядя Сережа позвонил на другой день утром.

– Полина, тебе крупно повезло: делом Лютиковой Ярославы Львовны занимается мой хороший знакомый, капитан милиции Удовиченко Леонид Максимович. Он работает в Пролетарском ОВД и сидит в одиннадцатом кабинете. Запиши его телефон.

– А он захочет со мной беседовать?

– Куда он денется! Я сказал, что ты журналистка, моя хорошая знакомая, и договорился, что ты к нему придешь. Так что не переживай, звони, и пусть только попробует отказать тебе во встрече!

– Ну спасибо, дядя Сережа. Что бы я без вас делала?!

Я положила трубку и спустилась в кухню, где Ариша потягивал свой утренний кофе. Я чмокнула старика в щеку.

– Доброе утро, дедуль.

– О, Полетт! Bon matin. Ты вчера, кажется, где-то пропадала?

– Да так... дела... – ответила я уклончиво, не желая вводить деда в курс дела. Еще неизвестно, возьмусь ли я за него, так зачем заранее беспокоить старика. Ариша удивленно приподнял брови:

– У тебя появились от меня секреты?

– Аристарх Владиленович, не говорите глупости. Ну когда у меня от вас были секреты? – строго-шутливо пожурила я деда. – Да, вчера приходил один клиент с просьбой наказать его родственника, но я пока не решила, возьмусь ли я за его дело.

– Мм... А за что наказать?

Так, дедуля пытается вытащить из меня подробности. Конечно, мне не хочется в них вдаваться, но Ариша смотрит на меня так, словно это для него вопрос жизни и смерти. Моему деду стало скучно? Давно не занимался ничем интересным, кроме своего казино?

– Да там ничего особенного нет, обычная бытовуха, – попыталась я отмахнуться.

Ариша недовольно крякнул.

– А ты помнишь, как начиналось дело террориста Казылбекова? – хитро прищурившись, спросил он.

Конечно, я помнила это дело, о котором долго писали газеты. Как же! В нашем тихом маленьком захолустном городишке вдруг объявился террорист! Сенсация! А раскрыли его действительно совершенно случайно. Просто этому горе-террористу крупно не повезло: на одной площадке с ним жила семья пьянчужек. Муж и жена лет под пятьдесят, дети давно выросли и с радостью покинули отчий дом, и от нечего делать чета выпивох каждый день устраивала увеселительные мероприятия с обильными возлияниями. Как правило, из-за последней рюмки возникали разногласия, которые заканчивались банальным мордобоем. Муж колотил жену, та ни за что не хотела уступать и тоже лупила благоверного чем ни попадя, так что крики и грохот постоянно не давали соседям спать. Те вынуждены были вызывать милицию, которая тщетно пыталась утихомирить разбушевавшихся алкоголиков. И вот однажды, когда жена, не рассчитав свои силы, от полноты душевной врезала мужу сковородой по голове, он упал без чувств. Бедная женщина, решив, что она убила собственными руками собственного мужа, заголосила так, что соседи снизу в очередной раз вызвали милицию. Менты тоже решили, что человек мертв, вызвали медиков и в понятые решили пригласить соседа по лестничной клетке, Руслана Казылбекова. Тот не хотел открывать, но милиционеры видели в его окнах свет и упорно звонили ему в дверь. Тогда Казылбеков решил, что это по его душу, и начал стрелять через дверь. Один милиционер был ранен, другой успел вовремя отскочить. Вызвали ОМОН...

В результате террорист был обезврежен, а готовящийся теракт сорван. В его квартире нашли оружие: пистолеты, один автомат и несколько взрывпакетов. Кое-кто получил повышение по службе, кое-кто ордена... А начиналось все так банально!

– Дед, я поняла, что ты хочешь этим сказать. Я обязательно все проверю. Ты удовлетворен?

– Конечно, ma chere, никогда не надо пренебрегать подвернувшейся возможностью поднять... хм, свой организм с кресла.

А этот камень в мой огород. Дед любил поворчать насчет моего сиденья в кресле с книгой. Он считал, что мне надо как можно больше бывать на людях, вероятно, думал, что так я быстрее найду свою вторую половину. Этот монолог грозил затянуться надолго, и я поспешила ретироваться.

* * *

...Я поднялась в свою комнату и набрала номер телефона, который мне дал дядя Сережа. На другом конце ответили почти сразу:

– Капитан Удовиченко слушает.

– Леонид Максимович? Здравствуйте. С вами говорит журналистка Казакова. Сергей Дмитриевич должен был предупредить вас...

– Да, он звонил, я в курсе. Чем обязан?

– Хотелось бы поговорить о деле Лютиковой, которое вы ведете.

– Пытаетесь накопать материальчик на статью?

– Вообще-то да. Я получила задание в редакции найти интересный материал на тему бытовых семейных разборок...

– Думаете, в деле Лютиковой все так интересно? Уверяю вас – суровая проза жизни, ничего больше!

– Ну, Леонид Максимович, можно мне все-таки там покопаться? Дело в том, что за последнее время не случалось ничего такого... из ряда вон выходящего. А статью скоро сдавать. Что мне делать?

Я говорила капризно-кокетливым тоном, и сердце мужчины дрогнуло. Пожалел-таки бедную девушку.

– Хорошо, подъезжайте, что ж с вами делать! Попробую вам помочь...

– Спасибо!

Меньше чем через час я подходила к кабинету номер одиннадцать, на двери которого висела металлическая табличка «Следователь капитан Удовиченко Л.М.». Я постучала, и мужественный баритон ответил из глубины комнаты:

– Да, да!

Капитан Удовиченко оказался довольно приятным внешне мужчиной лет тридцати с небольшим. Он сидел за средних размеров письменным столом, заваленным бумагами, папками, ручками, коробками со скрепками и прочими такими нужными следователю канцелярскими принадлежностями. Леонид Максимович поднял на меня глаза и посмотрел пристально. Мне стало даже не по себе под его пронзительным взглядом. Чего это он на меня так уставился? Дырку во мне хочет проглядеть? Я смутилась и залепетала:

– Еще раз здравствуйте. Я журналистка Полина Казакова, приехала вот ...

– Полина, ты?!

Я просто опешила. На каком основании он мне, совершенно незнакомому человеку, «тычет»?

– Ты что, не узнаешь меня?

Капитан Удовиченко вдруг рассмеялся. А я стояла в дверях все еще в недоумении.

– Вижу, что не узнала! Богатым, значит, буду. Да ты проходи, чего дверь караулишь? Боишься, украдут?

Он снова рассмеялся, демонстрируя мне свой белозубый рот, а потом сказал:

– Вспоминай! Институт. Отделение юриспруденции. Поток... Группа...

Я чуть не подпрыгнула:

– Леня! Неужели ты?!

– Сам себе удивляюсь.

– И как ты здесь?

– Как видишь – капитана недавно дали.

– Молодец. Ты сразу – сюда работать?

– Почти.

– Семья?

– Да, женился, и ребенка родили. Дочке Дашутке третий год пошел. У родителей жены живем. А ты как? С чего это вдруг в папарацци подалась? Кто-то из наших говорил, что ты вроде на кирпичный завод устроилась юрисконсультом... или что-то в этом роде?

Я на секунду замялась: сказать Леньке правду или не стоит? С одной стороны, он свой, учились вместе, в параллельных группах. С другой стороны, все-таки он – мент. У них своя правда, свой взгляд на жизнь. Кто его знает, как он поведет себя? Я решила пока промолчать.

– Да вот знаешь... судьба как повернула... Да, стала журналистом.

– Бывает, – попытался успокоить меня бывший однокурсник. – Я вот тоже, думал адвокатом буду или нотариусом, а сижу вон где!

– А что, нормально! Отдельный кабинет, – я оглядела стены и мебель, – следователь – это же хорошо!

– Пойдет! – Леонид махнул рукой. – Ну, расскажи еще что-нибудь о себе. Пять лет ведь не виделись. Замужем?

Терпеть не могу, когда знакомые задают мне этот вопрос. Спросить, что ли, больше не о чем? Сейчас скажу, что хожу в холостяках, – и сразу начнется: ой, да как же это ты?! Почему до сих пор?.. Но тут я вспомнила, что сама первая спросила Леню о семейном положении, и притихла.

– Пока не собралась...

– А что так? Женихов хороших нет? Так я тебе с этим помогу. У нас в отделении двое неженатых, а еще один разведенный. Майор, всего тридцать девять. Правда, двоим детям алименты платит. Познакомить?

– Как-нибудь в другой раз.

– Ну, как знаешь. Тогда ставлю чайник.

– Может, не надо? Я ненадолго...

– Что значит «не надо»? У меня по расписанию – чай. С плюшками, между прочим. Здесь, в буфете напротив, такая вкусная выпечка! Руки мыть пойдешь?

Мы пили чай из больших несуразных кружек. Вообще-то я такие терпеть не могу. Мне нравятся маленькие аккуратные чашечки из фарфора или фаянса, из которых мы с дедом пьем чай и кофе. А такие кружки на пол-литра с большими массивными ручками больше похожи на орудие убийства: при желании ими можно и прибить.

– Так о чем писать будешь, папарацци?

– Хотелось бы о том случае с обваренной женщиной. – Я взяла с тарелки еще одну плюшку.

– Мм, – промычал Леня с набитым ртом, – не о чем там писать!

– Как это не о чем? – удивилась я. – Такой серьезный случай! Женщина ведь погибла.

– *Пока* не о чем. Расследование только ведется.

– Ты что, еще ничего не узнал?

– Узнал, но мало. Понимаешь, Полин, сын погибшей уверяет, что его мать обварил ее брат. И мотив вроде бы есть: квартира. Брат устраняет сестру и живет себе припеваючи в квартире один со своей возлюбленной. Но у того – алиби. И тут ничего не поделаешь.

– Подожди, но ведь алиби Солдатенкову сделала его сожительница? Разве она не заинтересованное лицо?

– А откуда ты знаешь фамилию подозреваемого? Я тебе ее не говорил.

Леня посмотрел на меня удивленно.

– Один наш стажер писал заметку об этом деле. Он передал мне материал.

– А-а... Нет, Полин, дело не только в его сожительнице. Эта мадам Раневич мне самому, честно говоря, не нравится. Какая-то она скользкая, что ли. Чересчур кокетливая, жеманная. Терпеть таких не могу. Но ее показания мы проверили: соседка по коммуналке подтвердила, что именно в этот момент Раневич с ее хахалем были в своей комнате. А они живут как кошка с собакой, я имею в виду эту Эвелину и ее соседку. И уж если враг подтверждает их алиби, тут поневоле задумаешься.

– То есть ты решил Солдатенкова пока не привлекать?

– А на каком основании? Потому что его племянник считает его убийцей? Так мало ли кто что считает? Соседка показала совершенно точно: в момент совершения преступления тот со своей сожительницей находился в ее комнате. Соседка слышала голоса, смех...

– Лень, а мог вместо Солдатенкова быть кто-то другой? Может, эта Эвелина привела другого мужчину?

– Нет, соседка видела, как эта парочка проходила в комнату Раневич, она еще поворчала, мол, опять шуметь будете, покоя от вас, окаянных, нет...

– И как они выходили, она не видела?

– Не видела. Только все время слышала музыку, смех, звон посуды... В общем, молодежь веселилась на славу.

– Молодежь? Подожди, Лень. Сколько же лет этому дяде Коле? Я так поняла, он должен быть уже в достаточно солидном возрасте.

– Ну, смотря что считать солидным... Сорок лет – это, по твоему, как? Солидно или пока не очень?

– А ему сорок?

– Да, вот смотри... где тут?... Ага, вот. Видишь, с какого он года? Так что он только что разменял пятый десяток. Да дядя этого Андрея совсем еще ничего парень. С тридцатилетней бабенкой встречается, на футбол ходит, фанатеет.

– А про нее что можешь сказать?

– Полин, я таких дамочек на дух не выношу. Она разведенная, детей нет. Жутко легкомысленная особа. После развода ей досталась комната в коммуналке. Так соседка ее говорит, что Эвелина сразу начала приводить мужиков, а иногда и компании собирались человек по пять-шесть. Всегда музыка, спиртное, веселье... И все это до глубокой ночи. Одним словом, легко живет, вертихвостка.

– А работает где?

– В магазине продавцом. Неделю на работе – неделю в загуле.

– Что, так сильно пьет?

– Да не сказать особо сильно, но веселые компании любит.

– Ну и что, Лень? Кому она мешает, кроме бабушки-соседки?

– Полин, ты что, не понимаешь? Несерьезно это – женщине уже тридцать стукнуло, она должна думать о том, как завести семью, детей нарожать...

– Ну, ты скажешь тоже! Что, так прямо обязательно иметь семью и детей?

Капитан Удовиченко чуть не подпрыгнул от возмущения.

– Казакова! Это что за рассуждения?! Как же может быть необязательным для женщины рожать детей?! Это ее социальное предназначение. Это зов природы, в конце концов. Женщина *должна* быть матерью, так сказать, хранительницей семейного очага...

Ну, понеслось! Совсем как мой дед Ариша. Тот тоже все переживает по поводу отсутствия у меня семьи, детей и очага. Никогда не думала, что Удовиченко такой зануда.

– Лень, подожди. Не все выходят замуж и не у всех получается рожать детей. Ничего противоправного эта гражданка не делала, правильно?

– Ну, правильно, но она водит к себе компании!

– И что?

– Полин, как ты не понимаешь?! Они распивают спиртные напитки, а это прямой путь к правонарушениям. В общем, я тебе свое мнение сказал. Эта Раневич мне не нравится. Интуитивно, если хочешь.

– Ладно, Лень. Допустим, я согласна: сожительница Николая – легкомысленная вертихвостка. Но он сам-то ничего, надеюсь, дурного не совершил?

– Да, он работает и с соседями по подъезду здоровается...

– А почему ты о нем таким тоном?

– Да потому. Сын погибшей кивает на дядю не просто так. Дело в том, что дядя этот в свое время сидел.

– В каком смысле? Где сидел?

– Ну, где у нас сидят? В тюрьме, естественно. Не в Думе же!

А вот это уже интересный поворот. Дядя Коля, что называется, мотал срок? Интересно, за что?

– Предвижу твой вопрос, – улыбнулся Леонид.

Он порылся в каких-то своих бумагах и выудил на свет божий лист с печатным текстом.

– Так, так, где тут у нас?.. Ага! Вот. Отбывал срок – три года за драку в общественном месте. Нанес двум потерпевшим телесные повреждения средней тяжести.

– Двум? – уточнила я. – Один дрался с двоими? Из-за чего, там не сказано?

– Ну, как уверяет Солдатенков, они пристали к нему сами, на улице...

– Потерпевшие, естественно, говорят обратное?

– Разумеется. Вообще это дело какое-то темное. Драка на улице, точнее, в подворотне. Потерпевшим он выбил зубы, сломал носы... Садист, одним словом. Но это дело прошлое, Солдатенков свое отсидел. А в тот вечер он был к компании своей Пенелопы, и потому у меня нет оснований его задерживать. Да и никто из его собственных соседей не видел, как он приходил к себе домой.

– А другие подозреваемые есть?

– Есть, Полина, есть... Разрабатываем...

Я налила себе в кружку еще воды из остывшего чайника и, поскольку плюшек на тарелке больше не осталось, принялась пить бледный невкусный чай только ради поддержания беседы. Леня отодвинул свой пустой бокал и сидел теперь, заложив нога на ногу. У меня было какое-то ощущение недосказанности. Наверное, однокурсник многое не говорит мне, постороннему человеку.

– Ну, Казакова, и о чем здесь писать? Сама видишь: не о чем. Так что иди и проси у редактора другую тему для статьи.

– Лень, подожди. Может, ты еще многого не знаешь в этом деле. Может, вместе мы что-нибудь откопаем?

– Это ты будешь копать? У тебя что, других дел нет, копатель?

– Есть. Но мне хочется заняться этим. Ведь интересно раскрыть его и узнать: кто же все-таки убил женщину. Кстати, сколько ей было?

– Чуть-чуть до своего пятидесятилетия не дотянула, буквально несколько недель.

– Значит, сорок девять? Совсем еще молодая, как сказал бы мой дед. А сердце было слабое... Кто об этом знал?

– Все родные. Сын, брат, сожительница брата... Даже соседка по площадке. Она Лютиковой один раз на лавочке помощь оказывала. Это мне сын рассказал. Однажды его мать не дошла до подъезда буквально несколько метров, ей стало плохо с сердцем. Соседка оказалась рядом, под руку довела женщину до лавочки возле подъезда, достала из ее сумки валидол и положила ей в рот, потом помогла подняться в квартиру и вызвала «Скорую». А раз знала одна соседка, думаю, знал и весь дом. А что?

– Лень, а тебе не кажется, что Лютикову убили как-то... осторожно, что ли. Ее не ударили ножом, не задушили... Как будто убийца боялся дотронуться до нее руками. Плеснул кипятком, зная, что с таким сердцем она болевого шока не выдержит.

– Согласен. Ну и что?

– Пока не знаю, но если все как следует продумаю...

– Да я тебе и так скажу, что убил ее кто-то из своих.

– Ты имеешь в виду родственников?

– Или близких подруг. Или соседей... В общем, тот, кому она открыла. А открыть она могла только знакомому человеку. На замке и ручке двери изнутри ее отпечатки.

– Почему только знакомому? А если кто-то представился... ну, я не знаю... участковым или почтальоном? Мол, вам срочная телеграмма. Или даже новым соседом. Мы, мол, на днях переехали в ваш дом... Нет, открыть можно кому угодно, если этот человек знает, кем представиться.

– Полина, откуда ты все это знаешь?

– Давно живу. И последнее. Лень, что можешь сказать про сына погибшей?

Удовиченко пожал плечами.

– Что про него сказать? Молодой парень. Самостоятельный, живет отдельно, причем уже давно. Работает. В супермаркете системным администратором. На работе характеризуется положительно. У нас к нему претензий нет.

– А он где был во время совершения преступления?

– На работе. Он по средам всегда задерживается. У них там по средам какие-то проверки... или сверки... В общем, сидел за компьютером, сверял количество товара.

– И свидетели есть?

– Бухгалтер. Они вместе работали.

– Понятно.

Я встала. Пора было прощаться, и так отняла у Леонида много времени. Я направилась к двери.

– Леня, спасибо за беседу.

– Все-таки решила писать?

– Решила. А что еще делать? Вдруг нароем что-нибудь интересное? Поможешь с информацией?

– Поль, ты же понимаешь, что я не все могу тебе говорить.

– Понимаю. Так я всего и не требую. Кстати, ты кого-нибудь из наших видишь?

– Только Машку Олейникову. Юристом работает. А так... никого. Все куда-то поразъехались. Славка Пименов, говорят, в районный центр подался...

– А ты зайди на сайт «Одноклассники». Там много интересного. И наших найдешь.

– Когда мне еще в «Одноклассниках» сидеть? Я домой, знаешь, во сколько прихожу?! А ты, Казакова, это, давай... заглядывай еще как-нибудь.

Леня широко улыбнулся.

– Я тоже была рада повидаться. Заглядывать буду, тебе еще и выгонять меня придется. Пока!

Я вышла из здания РОВД и села в машину. Надо же, как повернулось! Следователь – мой однокурсник. Кто бы подумал! Да, наш Горовск – городок маленький. Но это очень даже хорошо, к Лене можно обращаться по-свойски. Я ехала домой и по дороге размышляла об услышанном. Пока дядю Колю трогать все-таки не ст*о*ит: как-никак алиби у него есть, соседка его пассии врать не будет. Какой ей резон? Эти дамочки между собой «на ножах». Но кто тогда мог обварить женщину? Леня прав: это сделал кто-то из своих. Но кто именно? Вот черт! Мне что, предстоит искать убийцу? Вообще-то мое дело не *искать* его, а *мстить*. На то я и Мисс Робин Гуд. Искать и вычислять преступников я не умею, да и не царское это дело. Что же тогда делать? А может, вообще не подписываться на это дело? В самом деле, зачем мне такая головная боль? Буду сидеть себе возле камина в кресле с книжкой и наслаждаться очередным бестселлером...

Но как же тогда Андрей? Передо мной встало лицо молодого симпатичного парня с темно-карими глазами и мужественным подбородком. Если я не возьмусь помочь ему, он будет мстить один и обязательно наломает дров. И угодит в тюрьму. Почему-то мне совсем не хотелось, чтобы так случилось. Что же все-таки делать, Полина, что?

Как бы в ответ на мой внутренний вопрос раздался телефонный звонок. Я посмотрела на дисплей: это был номер Андрея. Легок на помине! Долго жить будет.

– Алло?

– Полина, это Андрей. Здравствуйте.

– Привет.

– Полина, что вы мне скажете?

– В каком смысле?

– Вы беретесь за мое дело? Вы обещали подумать...

Ну, вот и приперли вас, Полина Андреевна. И думать некогда, надо давать ответ. Чего вы тянете время?

– Андрей, понимаете... Я тут навела кое-какие справки. У вашего дядюшки действительно есть алиби.

Молодой человек прямо взорвался от негодования. Он закричал в трубку, как будто разговаривал с глухой:

– Алиби?! А кто ему обеспечил это алиби? Его любовница! Разве ей можно верить?! Конечно, она скажет все, что угодно, лишь бы отмазать своего дорогого Коленьку от тюрьмы. Ей вообще верить нельзя. Это лживая тварь, Полина, поверьте, я знаю.

– Да, но ее соседка по коммуналке тоже подтвердила...

– Полина! Честно говоря, я вам в прошлый раз не все сказал. Просто я не знал, возьметесь вы за это дело или нет.

– А что, есть еще что-то важное?

– И притом очень важное. Но об этом – при личной встрече. Я не могу по телефону, у меня тут... В общем, Полина, давайте встретимся сегодня где-нибудь и поговорим... На этот раз я готов рассказать все подробно. Где и когда вам удобно?

– Можно в кафе.

– Хорошо, в каком и во сколько?

А он меня торопит. И напрягает. Говорит с напором, жестче, чем в прошлый раз. Так не терпится сварить дядюшку?

– В кофейне на Центральной. Вы до скольки работаете?

– На сегодня я все сделал и могу уйти пораньше. Часа в четыре.

– Тогда в половине пятого.

– Я буду ждать вас.

Он отключился.

Ну и что же интересного и очень важного готов рассказать мне сын погибшей? И почему не рассказал в нашу первую встречу? Осторожничает? «Просто я не знал, возьметесь вы за это дело или нет». А может, я вообще ни за что не возьмусь. Не люблю варить людей в кипятке. В самом деле, что за садист этот Андрей! Как бы там ни было, дядя – его родная кровь. Должно же у него быть какое-то чувство жалости к нему. «Давайте быстрее сварим дядю!» Хорош племянничек, ничего не скажешь!

Глава 3

Андрей сидел за столиком напротив окна. Его бейсболка лежала рядом с меню, которое он лениво листал.

– Давно ждете?

Парень поднял на меня свои карие глаза:

– Минут пять. Что будем заказывать?

– Мне двойной эспрессо и тирамису.

Андрей сделал заказ и в ожидании его начал свое повествование о том интересном и важном, о котором считал необходимым поведать мне:

– Полина, я вам в прошлый раз не все рассказал. Побоялся, что будете надо мной смеяться. Но вижу, что придется. Дело в том, – молодой человек поднял на меня свои темные бездонные глаза, – что моя бабушка была... вы только не смейтесь... ведьмой.

Он внимательно смотрел на меня, проверяя, какое впечатление произвело его сообщение. Я постаралась представить себя индейцем, чтобы ни один мускул не дрогнул на моем лице. Не увидев с моей стороны проявления каких бы то ни было эмоций, Андрей решил продолжить:

– Да, бабушка была настоящей ведьмой. Только она всегда говорила, что не надо бояться этого ее дара. Ведьма – от слова «ведать», «знать». Она знала такое, что делало ее необыкновенным человеком: гадая на картах, могла предсказать будущее любого человека, заговаривала головную, зубную боль, грыжу, щитовидку и тому подобное. Бабушку убили. Давно, лет сорок назад. Меня тогда еще и в проекте не было, да что в проекте, маме было лет десять...

– За что же ее убили, если, как вы говорите, она лечила людей?

– Понимаете, Полина, люди по своей сути очень непорядочные, они не любят брать ответственность за свои ошибки на себя. Как правило, норовят найти крайнего, на кого можно было бы все свалить. Уволили человека с работы – ведьма виновата, наколдовала. Что сам разгильдяй и лодырь, про это и разговора нет. Заболел ребенок у нерадивой мамаши – тоже ведьма виновата. Что со слабеньким ребеночком долго гуляла по непогоде, так это же не в счет! Ушел мужик из семьи – ведьмина работа. А что жена неряха, ходит по дому в грязном халате и рваных тапках, с бигуди на голове и орет на детей благим матом – пустяки! Вот как-то собрались такие разгильдяи, лодыри и недоумки, судили, рядили и решили: во всех их бедах виновата моя бабушка. Сколько их собралось – неизвестно, но все взяли дубинки и забили ее насмерть...

Молодой человек замолчал, глядя перед собой в одну точку. Его глаза сузились, скулы побелели. Я тоже молчала, ждала, пока он решится заговорить снова.

Андрей помедлил немного, как бы собираясь с мыслями, и, откашлявшись, продолжил:

– У бабушки был золотой перстень с очень редким камнем – шерлом. Это разновидность черного турмалина. Считается, что это камень ведьм, с его помощью они вызывают темные силы. Перстень был старинный и стоил бешеных денег. После смерти бабушки он достался моей маме, а во время ее убийства он пропал.

Я посмотрела на молодого человека внимательно. Опять этот загадочный перстень! Может, это как раз тот самый, обладательницей которого так неожиданно стала моя Алина?

– Андрей, вы что, действительно во все это *верите*?

– А вы – нет?

Мне казалось странным, что он говорит о таких вещах всерьез. Ладно бы моя подруга! Та верит в магию, волшебство, силу камней, астрологию и прочую белиберду. Но Андрей! Мужчины, как правило, имеют рациональный ум. Его-то что заставляет верить в такие вещи?

Я молчала и ждала. Мне казалось, что молодой человек вот-вот рассмеется и скажет добродушно: «Полина, вы что, не поняли? Я же пошутил! Конечно, все это фигня! Я хотел разыграть вас...» Но этого не происходило. Напротив, он выдал такое, что у меня не осталось сомнения в серьезности его отношения к случившемуся:

– Между прочим, кое-что из арсенала бабушкиных способностей передалось и маме. Она тоже умела гадать на картах, заговаривала зубную боль и еще нечто подобное. Полина, вы, я вижу, не верите мне?

– Что еще умела ваша мама?

– Привораживать. Да, да, Полина, не смотрите на меня таким взглядом. Дважды буквально на моих глазах она привораживала мужчин к женщинам. Это были брошенные возлюбленные. Мама зажгла свечу, похлопотала там по-своему, и мужчины вернулись к своим дамам.

– За деньги хлопотала?

Андрей даже растерялся от такого вопроса. Он округлил глаза, пожал плечами и почти что крикнул:

– Естественно! Ворожить без денег просто *нельзя*. Каждая работа должна быть оплачена. А ворожба – такая же работа, как и любая другая. Она требует затрат сил, физических, моральных... Времени, наконец...

– Так говорила ваша мама?

– Да. Она, кстати, была очень хорошей, доброй, и я ее любил. Когда мы остались без папы, мы с ней стали особенно дружны.

– А вас мама ничему... *такому* не научила?

Андрей снова посмотрел на меня удивленно:

– Полина, таким вещам научить человека, далекого от магии, нельзя. Только того, кто *родился* с этим даром, учат. А я... Нет, я самый обычный человек. К тому же ворожба передается в нашем роду исключительно по женской линии. Вот если бы я родился женщиной, тогда я тоже мог бы освоить эту премудрость...

– И ваш дядя, насколько я поняла, магическими способностями тоже не обладает?

– Разумеется, нет. Он себе-то не может заговорить головную или зубную боль! Маму он с презрением называл ведьмой, я не раз слышал, *как* он высказывался по поводу ее дара.

– И как же?

– Говорил, жалеет, что сейчас не Средние века.

– Намекал на инквизицию?

– Вот-вот. Говорил, мол, сжечь бы тебя на костре за твои делишки... Или в чане с кипятком сварить... Полина, дядя Коля – такая мразь! Садист! А еще уголовник. Умоляю: помогите мне разделаться с ним. Я хочу отомстить за маму. Она должна быть наверняка отомщена, убийца не должен уйти от наказания! Как она, наверное, мучилась, как стонала, кричала... Меня мороз по коже продирает. Вы когда-нибудь бывали в ожоговом центре?

– Не посчастливилось.

– Наоборот, вам посчастливилось не бывать там. А я был и такое видел!.. А этот гад до сих пор на свободе! Убийца! Полина, помогите мне, или я сам его...

– Андрей, я уже говорила, следователь считает, что у вашего дяди – железное алиби...

– Неправда! Нет у него алиби, не-ту! Кто сказал, что он был у этой своей... как ее?.. Эвелины? Она сама сказала? Да она еще не такое скажет! Если его посадят, она же останется одна! Вот она и врет, выгораживает своего... хм, хахаля!

Андрей сказал это с таким презрением! Нет, не любит он дядюшку и его пассию, ой как не любит!

– А соседка?

– Что соседка! Ее можно подкупить. Или запугать. Этот прием известен. Там же старая бабулька, для нее и пара тысяч – большие деньги. Сунули ей – вот она и старается, поет то, что велели...

– А если это не так? Мне известно, что бабушка-соседка находится с Эвелиной далеко не в дружеских отношениях. Они часто ссорились из-за того, что Эвелина приводила домой шумные компании.

– Полина, почему вы защищаете моего дядю? Вы же не знаете его, а я знаю! Этот уголовник уже сидел. Вы вообще в курсе, что он изуродовал двух пацанов ни за что ни про что?!

– Что, прямо вот так взял и изуродовал? Шел, шел по улице, думает, дай кого-нибудь изуродую для разнообразия?

– Зря иронизируете. Практически так и было. Он же бывший боксер. Мастер спорта. А по характеру – несдержанный. Да что там несдержанный – просто бешеный. Ему слова лишнего не скажи. Кулаки постоянно чешутся. Чуть что – сразу в морду! Должно быть, те пацаны что-то сделали не так или сказали... Я, конечно, подробностей не знаю, я тогда еще подростком был. Но раз дали дяде Коле три года, значит, заслужил. Он тем пацанам все ребра переломал, тяжелейшие сотрясения мозгов сделал. Мне говорили, один потом ослеп из-за этого. А вы его защищаете...

– Андрей, во-первых, я никого не защищаю. Я хочу разобраться. Во-вторых, закажите мне еще кофе, пожалуйста. Мне под него как-то легче думается.

Андрей пошел к барной стойке за эспрессо, дав мне возможность пару минут переварить услышанное. Нет, я не особо верила в такие вещи. Ведьма... Приворожила... Заговорила... Лечила... Гадала на картах... Прямо дремучее Средневековье какое-то! Если мама моего клиента так хорошо умела предугадывать будущее, почему она не предугадала его для себя и не отвела беду? Значит, все-таки не могла? А этот якобы волшебный перстень?! Черный турмалин! Звучит, как название сорта яблок. Нет, нет, все это бред, да и только! Жалко Алины здесь нет, уж она-то вдоволь наахалась бы от таких сведений. Ее хлебом не корми, дай послушать такие вот загадочные истории.

В это время подошел мой спутник и поставил на стол две чашки с дымящимся ароматным напитком.

– Полина, вы кофеманка?

– А что, похоже?

– Вы так любите эспрессо!

– А вы?

– Я равнодушен к горячим напиткам.

– Тогда зачем взяли и себе чашку?

– За компанию с вами. Согласитесь, сидеть и беседовать за пустым столом как-то не очень...

– Согласилась.

Андрей потихоньку потянул губами напиток. Кажется, он обжегся, потому что вздрогнул и отпрянул от чашки, плеснув себе на руку немного горячей жидкости.

– Черт! Наливают кипяток, а люди обжигаются...

Андрей взял со стола салфетку, промокнул губы и руку, потом подул на нее. Почему он не взял себе «колу» или сок?

– Так что, Полина, сварим дядю Колю в кипятке?

Я покосилась на моего кровожадного собеседника. А он нетерпелив, прямо стучит копытами, торопит. Что за срочность? Куда он боится опоздать? Про алиби дяди даже слушать не хочет. Что-то не нравится мне такое отношение моего клиента к своему родственнику. И чем дальше, тем больше не нравится.

– Андрей, а у вашей мамы был... друг?

Молодой человек едва не поперхнулся:

– А при чем здесь это?

– Так был или как?

Лютиков пожал плечами, похмыкал, наконец выдал:

– Ну, был...

– Кто он? Что за человек?

– А при чем здесь мамин друг?

– Когда кто-то погибает, любой человек может оказаться при чем.

Андрей, как мне показалось, поморщился:

– Да... Мама встречалась с одним магом-целителем. Если вы слышали, есть такой Дармир Заворожный...

– Это же известный экстрасенс. Все газеты пестрят его объявлениями об услугах магии.

– Да, вы правы. Он занимается как белой, так и черной магией и часто дает об этом объявления... Но, Полина, Дармир Иванович здесь совершенно ни при чем. С мамой они были в очень хороших отношениях. Когда папа умер, мама долго не могла обрести покой, все плакала, переживала, даже тяжело заболела на нервной почве. Тогда-то сердце и начало ее беспокоить... Как-то раз она прочитала объявление в газете о знаменитом целителе и пошла к нему на прием. Дармир Иванович сразу увидел мамины неординарные способности и предложил ей... как бы это назвать?.. обмениваться опытом, что ли? Так они начали встречаться.

– Он бывал у вас дома?

– Конечно! И не раз.

– А мама у него бывала?

– Да. У Заворожного хорошая четырехкомнатная квартира в центре. Он вообще человек небедный... И машина у него есть... Иномарка. Но это здесь ни при чем! В квартире одна комната отведена под прием страждущих, у Заворожного и диплом имеется, у него все легально...

– А он не предлагал вашей маме переехать к нему?

– Нет... Не знаю... Наверное, он не собирался заводить семью, он человек уже не молодой...

– А про бабушкин перстень он знал?

Андрей поморщился, потер переносицу, посмотрел на меня искоса. Похоже, тянет время, не знает, что мне ответить.

– Я думаю, что знал, но не уверен в этом. А вообще, Полина, при чем здесь Заворожный?! Мы будем мстить дяде или нет?

– Нет.

Я встала. Андрей тоже встал. Возле нас тотчас возникла официантка. Я вышла на улицу, предоставив моему клиенту расплатиться с ней самому. Погода была просто изумительной. Май вступал в свои права, было тепло и солнечно, легкий ветер гонял по небу белые легкие облака. Я застегнула ветровку и направилась к своей машине. Андрей догнал меня.

– Почему не будем, Полина?

– Я не считаю его виновным.

– А кто же тогда, по-вашему, обварил маму?

Настала моя очередь пожимать плечами.

– Понятия не имею. И это не моя обязанность – выяснять, *кто* убил. Докажите мне, что убийца – ваш дядя, и тогда поговорим.

Я сняла машину с сигнализации и взялась за водительскую дверку. Андрей не собирался уходить. Он стоял рядом и смотрел на меня своими карими глазами, чуть не плача.

– Полина, я так надеялся на вас... Я думал, вы мне поможете...

– Замочить невиновного?

– Да почему невиновного-то?! Он виновен! Уверяю вас, это дядя Коля убил маму! Ведь он живет вместе с ней, он хочет завладеть всей квартирой целиком. Я знаю, я слышал его разговор с любовницей... Почему вы не хотите мне поверить?

– Андрей, видите вот эту царапину на моей машине? Знаете, кто мне ее сделал? Владелец вот этой машины, что стоит рядом с моей. Возьмите вон ту железяку и саданите ею по его машине как следует, пусть знает, как царапать соседей по стоянке!

Андрей посмотрел на меня как на шизофреничку в стадии обострения.

– Да вы что, Полина! О чем вы меня просите?! А если это не он поцарапал вашу машину?

– А что вы так возмутились? Вы предлагаете мне сделать тоже самое.

– Вот, значит, как?! Значит, дядю Колю варить не будем? Это окончательно?

– Я же сказала, дайте мне доказательства – и тогда поговорим.

Я села в свой «Мини Купер», повернула ключ в замке зажигания. Андрей стоял рядом и смотрел на меня. Выезжая со стоянки, я оглянулась на него. Он все еще торчал на том же месте и растерянно смотрел мне вслед.

* * *

Ариша раскладывал пасьянс. Он поднял на меня глаза и прищурился:

– Как твои дела, Полетт? Кому будешь мстить на этот раз?

– Да некому мстить, дедуля. Тот, на кого указывает клиент, имеет алиби.

Я села рядом с Аришей и стала рассказывать новые подробности о моем клиенте, жаждущем убить своего дядюшку. Дед слушал внимательно, лишь иногда вскидывая брови вверх. Когда я закончила, он спросил:

– Полетт, а тебе не кажется, что здесь замешан этот загадочный перстень?

– Нет, дед, по-моему, перстень ни при чем.

– А по-моему, при чем.

– Обоснуй.

Дед отложил карты в сторону, погладил свою маленькую аккуратно подстриженную бородку, крякнул.

– Твой клиент сказал, что после смерти его матери перстень пропал. Так?

– Так.

– А ты не допускаешь, Полетт, что женщину убили именно из-за перстня? Ты же говоришь, что он был очень дорогой?

– Это Андрей говорит.

– Ну, пусть Андрей, неважно. Перстень был золотой?

– Да.

– А камень?

– Редкий. Черный турмалин. Его еще называют камнем ведьм.

– Перстень старинный?

– Да.

– И что, ты считаешь, что не могли убить из-за него?

– В принципе могли. Но тогда убил тот, кто *знал* о волшебных свойствах этого перстня.

– Конечно! Женщину убили, колечко свистнули – что тут думать?! Найди кольцо. Тот, у кого оно окажется, и есть убийца.

– Это *я* должна искать кольцо? Дедуль, ты забываешь, что я не сыщик. Я не умею раскрывать преступления. Ну вот скажи мне: почему *именно я* должна искать преступника?

Пусть этим занимаются те, кому положено. В конце концов, сыщикам за это деньги платят. А я... готова покарать убийцу. При условии что милиция откажется сделать это.

Я посмотрела на деда. Он кивнул, давая понять, что разделяет мою позицию.

– Ариша, а насчет волшебных свойств перстня ты всерьез? Веришь в чудеса?

– Как тебе сказать, Полетт? Не особо. Мой жизненный опыт подсказывает, что всем волшебным явлениям, как правило, впоследствии находится вполне материалистическое объяснение. Но дело не во мне, главное, что в это верит преступник. Я имею в виду, в магическую силу камня.

– Угу. Или в его цену.

– Да. Если перстень действительно дорогой, то цена имеет не последнее значение.

– Дедуль, а ты знаешь, я только что была у следователя, который ведет это дело. Им оказался парень из параллельной группы, я имею в виду юрфак.

– О! Ты встретила однокурсника? Кто это?

– Вряд ли ты его помнишь. Фамилия Удовиченко тебе о чем-нибудь говорит?

– Как же, говорит, я помню! Его звали... Александр.

– Ага, помнишь ты! Его звали Леонид.

– О! Конечно, Леонид! Я и хотел сказать – Леонид. Про Александра – это я оговорился. Имена похожи... Нет, Леонида я, правда, помню. Как он там?

– Хорошо. Капитан.

– Молодец. А... все остальное?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... так... другие дела...

– Ох, хитрец! Успокойся. Женат Леня, и ребенок есть.

– Мм... – Ариша вздохнул и чуть слышно добавил в сторону: – Жалко...

Я решила сменить тему разговора:

– Ариша, а ты давно кушал? Ты не голоден?

– Пока нет. Может, попьем чай?

– Хорошо. Пойду поставлю чайник.

Дед снова принялся за свой пасьянс, а я поднялась к себе в комнату переодеться. Сняла джинсы и джемпер, повесила их в шкаф, достала оттуда и натянула домашние спортивные брюки и старую футболку. Собралась пойти мыть руки, но тут зазвонил телефон.

– Алло?

– Здравствуйте. Мне нужна Полина Казакова.

Голос был мужской, солидный, чуть с хрипотцой. А самое главное, совершенно мне незнакомый.

– Я вас слушаю.

– Меня зовут Солдатенков Николай. Вам это имя ни о чем не говорит?

Я растерялась. Он еще спрашивает! Конечно, говорит, еще как говорит! Но я не ожидала, что подозреваемый в деле убийства Ярославы Львовны Лютиковой самолично позвонит мне. Интересно, что ему от меня нужно?

– Вы – дядя Андрея? – спросила я осторожно, избегая резких слов.

– Дядя. И хотел бы поговорить с вами.

Интересный поворот. Все хотят поговорить со мной – пострадавший, теперь вот подозреваемый. Интересно, о чем?

– Николай... простите, как вас по отчеству? – спросила я, хотя прекрасно знала, что он Львович.

– Да бросьте, какое там отчество! Я еще совсем юноша. Так когда мы сможем увидеться?

А Николай шутник. Сорокалетний юноша. Ну-ну.

– Скажите, а кто вам дал мой телефон?

Оказалось, это та же знакомая, что направила ко мне Андрея. Получается, она дала мои координаты и дяде, и племяннику. Интересно. Что ж, посмотрим, что там за дядя.

– Хорошо. Вы можете сейчас приехать в коттеджный поселок? Знаете, где это?

– Разумеется. Ждите, буду через четверть часа.

* * *

Ровно в назначенное время у наших ворот остановилась машина. Я выглянула в окно кухни и увидела вишневую «семерку». Из нее вышел высокий мужчина в легкой серой куртке. Я открыла ему дверь, провела в дом.

А они были совсем не похожи. Андрей только ростом вышел под стать своему дяде, но лицом был смугл и чем-то похож на артиста Евгения Дятлова из сериала «Менты». А вот дядя Коля был, напротив, зеленоглазый со светло-русыми волосами и черты лица имел более тонкие. Он снял свою куртку, аккуратно повесил ее на вешалку и сбросил с ног легкие демисезонные ботинки.

– Может, вам тапочки дать? – спросила я.

– Нет, дома я вообще люблю ходить босиком. Куда прикажете?

Мы поднялись в мою комнату. Он сел на стул, а я – на диван.

– Так как вас все-таки по отчеству?

Дядя Коля посмотрел на меня удивленно:

– Я что, так плохо выгляжу? Мне, Полиночка, всего сороковник недавно стукнул. Причем совсем не больно стукнул, можно сказать, слегка. Так что зовите меня просто Николаем. Если, конечно, вам так удобно.

Мне удобно. Мне вообще все равно, как его называть, хоть Гришей.

– Так о чем, Николай, вы хотели со мной поговорить?

– Видите ли, Полиночка, у меня случилось несчастье. Недавно умерла моя сестра. Родная. После смерти родителей она была единственным близким моим человеком. К тому же расправились с ней очень жестоко: обварили кипятком. При ее слабом сердце это оказалось убийственным для нее. Завели дело, так как менты сразу установили, что обварилась она не сама. И вот тут начинается самое интересное: во-первых, подозревать начали меня. Ну, якобы я сделал это из-за квартиры. Во-вторых, пропал перстень нашей мамы. Он был у моей сестры, ее, кстати, Ярославой зовут, я забыл сказать. Так вот сын моей сестры Андрей напирает на меня. Сознавайся, говорит, это ты маму убил! Я прямо обалдел, когда в первый раз это услышал. Ну, не дурак?! Я убил свою сестру?! Зачем? Из-за комнаты, которую я якобы хотел занять?

– А разве у вас с сестрой не было из-за этого конфликтов?

– Из-за ее комнаты? – Николай удивленно округлил глаза. – Конечно, не было! У меня своя комната, у Ярославы была своя... Мы так жили много лет. Когда Андрей стал подрастать, я предложил сестре выкупить мою комнату.

– И куда бы вы пошли жить?

– Купил бы себе другую в какой-нибудь коммуналке. Для меня, Полина, это не проблема – где жить. Мне – что с сестрой, что с чужими людьми, – какая разница?! С чужими, наверное, даже лучше.

– Это чем же лучше? – удивилась я.

– Разговоров меньше. С соседями – «здрасте – до свидания» и разошлись. А свои разборки еще устраивают.

– Значит, все-таки разборки были?

– Да так... не особо. Когда Андрей подрос и стал зарабатывать, он снял себе комнату где-то недалеко от работы. А когда муж сестры умер и она осталась одна, вот тут-то он и начал мутить воду.

– Вы говорите про племянника?

– Я говорю про сына моей сестры.

– Подождите, Николай, разве это не одно и то же? Сын вашей сестры, по-вашему, не является вашим племянником?

– Фактически нет.

Я опешила. Такого я еще не слышала.

– Объясните.

– Понимаете, Полина, – гость помедлил, вероятно, подыскивая слова, – у моей сестры нет детей.

Совсем отлично. Я понимала, что чего-то не понимаю, но никак не могла понять, что именно. Очевидно, мой взгляд выдал мое замешательство, потому что Николай улыбнулся и снисходительно сказал:

– Я сейчас все объясню.

– Да уж будьте любезны.

– Я не оговорился, у моей сестры действительно нет детей.

– Прямо загадка природы. А Андрей тогда кто?

– Он приемный ребенок. Его взяли из детского дома, когда ему было уже семь и он ходил в школу. Муж Ярославы переболел в детстве какой-то инфекционной болезнью и остался бесплодным на всю жизнь. Но она так любила его, что не развелась с ним, а детский вопрос они решили вот таким образом.

Теперь понятно, почему Николай так упорно избегал слов «мой племянник». Сын сестры – это точнее.

– Итак, все, что было до этого момента, это – во-первых. А что там у вас случилось во-вторых?

– Во-вторых, пропал перстень Ярославы. Старинный и очень дорогой. Когда-то он принадлежал нашей матери. Она была... как бы это сказать? В общем, имела неординарные способности.

– В народе это называется – была ворожеей?

Я нарочно не произнесла слово «ведьма». Неизвестно, как отреагирует на него Николай.

– Да, что-то в этом роде. Гадала, умела заговаривать разные болячки... Но это к делу не относится.

– Может, как раз относится? Тот, кто украл перстень, явно считал его... не простым.

Николай внимательно посмотрел мне в глаза.

– Полина, вы верите в волшебство?

– А вы?

Он скривил губы в усмешке.

– Скажем так: я отношусь к этому скептически. Не скажу, что не верю совсем... Что-то *такое* в природе действительно существует. Но относиться всерьез к гаданиям и лекарству... Хм, не знаю, не знаю...

– Вы никогда не видели, как ваша сестра ворожила? Говорят, она даже возвращала ушедших возлюбленных.

– По-моему, это чистое совпадение. Но речь не об этом. Я обрисовал вам картину произошедшего. Мне очень неприятно, что кое-кто думает, что это я убил свою сестру. Уверяю вас: это не так. Я относился к ней очень хорошо. Даже предлагал освободить от себя квартиру, но Ярослава была против. Она говорила: «Никола, почему ты должен платить такие

большие деньги за съемное жилье? Живи здесь, я теперь все равно одна...» Мы не мешали друг другу. А потом, когда сорок лет назад умерла наша мать, мне было всего несколько месяцев от роду. А вот Ярослава уже ходила в третий класс, ей было около десяти. Они с отцом и вырастили меня. Так что она мне, считай, и была настоящей мамой.

Ого, как оно все повернулось! Николай между тем продолжал:

– Да, сестра играла со мной, утром отводила в детский садик, вечером забирала, даже кашу варила, пока отец был на работе. И теперь, когда менты пытаются мне пришить... ой, извините...

– Да ничего. А разве следователь вас в чем-то обвиняет?

– Теперь – нет. А сначала меня вызывали и все выпытывали: где я был во время убийства, с кем? Есть ли этому свидетели?

– Вы, Николай, я так понимаю, были со своей... дамой сердца у нее в гостях?

– Да. В этот день у меня была зарплата, я купил бутылку водки, кое-какой закусон и отправился к Линьке... мм... Эвелине. Мы хорошо так отдохнули под музыку... Нас и соседка видела, эта бабка, старая язва в галошах. Она еще пару раз нам замечание делала, мол, музыку убавьте, сериал не даете смотреть. А сама как телик врубает... извините, включает! Аж уши закладывает. Это ничего!

– Николай, а как вы думаете, кто мог убить вашу сестру?

Мужчина пожал плечами:

– Да понятия не имею! Я что, следак?!

– А мог это сделать ваш... сын вашей сестры?

– Андрюха?

Николай посмотрел на меня не то удивленно, не то возмущенно.

– Нет, что вы, Полина! Дрюня не мог. Она же его усыновила. Нет, нет, не надо о нем так... Кто угодно, но только не он. Меня следак тоже об этом спрашивал. Я ему сразу сказал: меня подозревать вы еще можете, а пацана не трогайте. Не виноват он. Она же ему мать заменила. Если бы не Ярослава, он бы так и торчал в своем детдоме. Фиг бы он тогда институт окончил! Точняк, был бы уличным хулиганом или карманником. Они все там такие...

– И что же вы от меня хотите, Николай?

– Чего хочу? Помогите найти убийцу.

– Этим должна заниматься милиция.

– Милиция его не найдет. Им все до фени. Они уже это дело тянут.

– А если найду, что вы с ним сделаете?

– Убью!

Я внимательно посмотрела на Николая.

– Сами?

– А кто мне для этого нужен? Или у меня рук нет? Так вы мне поможете, Полина?

Честно говоря, я растерялась. Я стала объяснять Николаю, что я не сыщик и искать преступников не умею. Николай настаивал. Видя, что добром от него не отделаться, я пообещала подумать. При условии, если менты убийцу не найдут.

Николай предупредил, что еще будет звонить мне, оставил номер своего телефона и покинул мой дом.

Глава 4

Так вот почему они были так не похожи – Андрей и Николай. И не только внешне. Николай отличался таким благородством, о котором Андрей, похоже, и понятия не имел. Во всяком случае, Николай не требовал сварить своего, пусть и неродного, племянника в кипятке. Напротив, убеждал меня в его невиновности. А про перстень он тоже упомянул. Значит, тот действительно пропал. Эх, надо было спросить Николая о бойфренде его сестрицы. Может, он что интересного знает о знаменитом экстрасенсе. Впрочем, это еще успеется. А пока неплохо бы навестить нашего убитого горем сыночка и поставить ему «прослушку». Наверняка он будет звонить кому-нибудь или к нему заглянут гости, с которыми он будет обсуждать интересующую меня тему. Я нашла в мобильнике нужный мне номер и нажала кнопку.

– Андрей? Это Полина. Вы не хотите пригласить меня к себе в гости?

Должно быть, он обалдел от моей смелости, если не сказать наглости. Потянув время и помычав что-то себе под нос, Андрей назвал адрес:

– Пишите: улица Миклухо-Маклая, тридцать восемь. Квартира семь.

– А если я прямо сейчас и подъеду?

– Ну... подъезжайте, что ли...

Выпив для поддержания сил стакан чая с Аришей, я прыгнула в свой «Мини Купер» и отправилась на улицу Миклухо-Маклая.

* * *

Возле двери с номером восемь было целых три звонка. И на какой, интересно, мне нажимать? Я рассматривала кнопки – белую, черную и коричневую. Они были старые и поцарапанные. Наконец я выбрала верхнюю. Буду жать на все подряд, какая-нибудь да сработает!

Через минуту за дверью послышался недовольный стариковский голос:

– И кого там принесла нелегкая?!

Что-то совсем не радостно здесь встречают гостей.

– Извините, пожалуйста, – сказала я как можно более вежливым голосом, – мне нужен Лютиков Андрей.

– Так чаво ж ты мне зв*о*нишь?! – вопрошал голос за дверью с ударением на «о». – Ему и звони!

За дверью послышались шаркающие шаги. Вот тебе раз! Что, так трудно было открыть? И какой звонок Лютикова? Я уже было собралась нажать следующую кнопку, как вдруг за дверью послышались голоса, перебранка, и дверь открылась. На пороге стоял Андрей.

– Извините, – сказал он, отступая внутрь и давая мне пройти, – тут у нас живут такие чересчур принципиальные, которым лень ручку замка повернуть...

– Да ничего, все нормально, – ответила я, проходя в полутемный коридор, заставленный всяким мебельным хламом.

– Нет, не нормально, – продолжал ворчать старик, стоя возле открытой облупленной двери, выкрашенной почему-то оранжевой краской, – во всем долж*о*н быть порядок: ежели пришел человек к Лютикову, так и должен звонить Лютикову, а не Лампочкину!

– Я не виноват, что табличку возле звонков опять отвинтили, – сердито оправдывался Андрей, подходя к своей двери.

– ...Сталина на вас нет! – кипятился старик. – Вот при Сталине был порядок! И молодежь не хамила старикам, а уважала их! И...

– Слушай... те, вы... Лампочка Ильича! – огрызнулся на него Андрей. – Идите уже... в свою комнату!

Мы зашли в самую дальнюю дверь. Она одна из всех была более или менее приличного вида. Я огляделась. Большая просторная комната с высоким потолком и высоким окном, которое пропускало в помещение много света. Современный диван, служивший хозяину, очевидно, одновременно кроватью, стол, холодильник, большой бельевой шкаф с зеркалом, тумба с телевизором, кресло перед ним – все было почти новое, современное и довольно добротное. Даже занавески на окне – тюль с портьерами. Возле окна – компьютер на столе.

– А у вас довольно мило, – сказала я, присаживаясь в кресло, на которое указал хозяин. Сам он сел на диван.

– Да, нехилая хатка, – согласился он.

– Если не секрет, сколько вы за нее платите? – спросила я.

– Три тысячи. – Андрей огляделся по сторонам и спросил как бы нехотя: – Может, чаю?

Чай я пила совсем недавно и совершенно не нуждалась в дополнительной порции жидкости, но мне было необходимо поставить сюда «жучок», и потому я согласно кивнула. Андрей ушел на кухню, а я достала из сумочки крохотный микрофон на иголке и воткнула его под ручку кресла.

Вскоре хозяин вернулся с подносом, на котором стоял бокал. Из него тянулась нитка с бумажной бирочкой, маленькая сахарница с ложечкой стояла рядом. Я не очень любила чай в пакетиках, но деваться было некуда, сама напросилась. Кроме того, уйти сразу было как-то некрасиво, у Лютикова возникло бы подозрение. Пришлось придумывать вопросы, якобы ради которых я сюда и напросилась. И, пожалуй, сражу-ка я его сразу наповал.

– Андрей, почему вы мне врали?

– Я?! Врал вам?! – Молодой человек просто обалдел от такого неожиданного поворота. Он даже вздрогнул, как мне показалось, и уставился на меня ошарашенно. – В чем?

– Вы сказали, что *родились и выросли* в квартире матери. А это ложь. Вы не родной сын Ярославы Львовны.

– А откуда вы знаете?

– Откуда – это другой вопрос. Почему все-таки вы мне это не сказали?

– А что, это так важно?

Кажется, он даже немного побледнел.

– В нашем деле важно абсолютно все. Любая мелочь. Это только так кажется, что какая-то деталь незначительна. Но она может привести к серьезным последствиям, каких и не ожидаешь.

– Мое усыновление вообще не имеет никакого отношения к делу. Да, я ей не родной. Ну и что? Я любил маму... и сейчас люблю. Я ей очень благодарен, что она взяла меня из детского дома, что дала возможность иметь семью. Я с семи лет называл ее мамой. Вы же знаете, что я потому и хочу отомстить ее убийце...

– А если все-таки окажется, что ваш дядя Коля не имеет отношения к смерти вашей матушки?

– Опять вы об этом! Я просто уверен, что имеет. Иначе я не просил бы вас помочь мне отомстить ему. И перстень он забрал. Больше некому. Он маму всегда недолюбливал.

– А вы слышали, что ваш дядя хотел съехать на другую квартиру?

– Какую другую? У нас нет другого жилья.

– На съемную квартиру. Он и Ярославе Львовне говорил об этом. Ваш дядя хотел снять себе другое жилье, а ваша мама была против, не хотела, чтобы ее брат скитался по чужим углам да еще платил за это деньги.

Андрей уставился на меня удивленно:

– Полина, кто вам сказал такую чушь? Они ругались, и еще как ругались! Я не знаю, кто вам что-то там наговорил, только дядя Коля – такой гад! Я сам слышал, как он угрожал маме, и не раз. Эта чертова квартира стала для них камнем раздора.

Камнем преткновения, очевидно, хотел сказать Андрей. Или яблоком раздора. Впрочем, то, что он оговорился, не было удивительно. Он нервничал.

– Андрей, а что, ни у кого из вас не было возможности купить другое жилье?

– Эх, Полина! Да если бы такая возможность была, мама не погибла бы! Сам я не мог даже оформить ипотеку: мне в банке отказали сразу. Зарплата небольшая, семьи нет... У мамы тоже – восемь тысяч... Что мы могли на такие деньги?! Потому-то все беды из-за этой злосчастной «двушки»!

– И накоплений у вас, я так понимаю, не было?

– С чего копить-то?! Тут на еду едва хватает.

– А дядя ваш кем работает?

– Мастером на стройке.

– Ну, это тоже не ахти какие деньги.

– Да уж! – обрадовался Андрей. – Мог бы и на более хлебное место устроиться, он ведь как-никак строительно-монтажный техникум окончил. Только кто его возьмет после тюрьмы?! Он же у нас уголовник.

Лютиков ехидничал. Это слишком явно бросалось в глаза.

– Вам, Полина, не понять, как живут бедные. Вы, сразу видно, из другого круга. И машина вон у вас есть, и дом. Я же видел ваше жилье. Шикарный дом! Большой, просторный... Сколько у вас там комнат?

– Это мы обсуждать не будем. Мой дом не имеет отношения к нашему делу.

А он завистливый. Наш с дедушкой дом успел рассмотреть. Да, я помню, как он украдкой кидал взгляды по сторонам, когда приходил ко мне.

В это время заиграла мелодия на мобильнике, лежащем на столе. Андрей подскочил и схватил его, как будто ждал звонка.

– Да... Нет, нет, сейчас нельзя... Потом... Я сам перезвоню... Я же сказал: потом!

Он отключил телефон и положил его обратно на стол.

– А вы знаете, мне пора, – сказала я, вставая, – дела... Да и поздно уже.

– Я вас провожу.

Андрей направился к двери. В коридоре возле своей оранжевой двери стоял старик-сосед, который не открыл мне дверь.

– Партизанишь, старый?

– Чаво?

– Подслушиваешь, говорю?

– Какое твое дело, молокосос?

– Наше дело правое, мы победим! – приколол его Лютиков.

Я поняла, что перебранка грозит затянуться.

– Сталина на вас нет! – кричал дед, когда я уже выходила в подъезд. – Был бы жив Иосиф Виссарионович...

– До свидания, – бросила я Андрею и начала спускаться по лестнице.

– Пока, Полина! – несколько фамильярно ответил Андрей и захлопнул за мной дверь.

Я тут же вернулась назад к двери и прислонила к ней ухо. Конечно, подслушивать некрасиво, этому меня еще в детстве учили, но сейчас была не та ситуация.

– Ты, старый хрыч! – кричал Андрей. – Какого... ты тут ползаешь, под ногами путаешься, таракан облезлый?!

– Я на тебя жаловаться буду, молокосос! – дребезжал старческий голос.

– Будет он жаловаться! Может, еще не успеешь! Давай двигай отсюда свои ходули, пока не навешали! Тоже мне, Лампочка Ильича!..

Старик что-то бормотал, но его уже было плохо слышно.

Я спустилась вниз и вышла из подъезда. А Андрей-то хам! Самый настоящий. Так разговаривать с пожилым человеком! Я села в машину, которую оставила во дворе его дома, и включила «прослушку». Лютиков уже говорил с кем-то по мобильнику:

– ...Сейчас только ушла... Да не, все обошлось... Вопросы какие-то дурацкие задавала... Какие, какие! Разные... Спрашивала, почему мы с матерью не купили себе отдельную квартиру. Деловая, блин! Сама-то знаешь, в каких хоромах живет! Коттедж. Да, в том самом поселке. Двухэтажный, там комнат восемь, да еще участок перед домом. Помещица, блин!.. Что?.. Да не, мне сейчас не до того, перстень бы найти... А я откуда знаю?! Не, перстень важнее. Он таких бабок сто*и*т, что нам с тобой и не снилось!.. Ну да... Нашли бы перстенек, продали, эх, и зажили бы! Коляна бы еще отправить... сама знаешь, куда. А то мешается под ногами, житья от него нет... Не говори! Если бы и квартирка была наша, и перстенек!..

Андрей продолжал еще вздыхать какое-то время да бормотать «Ага... угу... ну да!», а я сидела и делала выводы. Значит, наш пострадавший не так уж сильно пострадавший. И не так ему жалко убитую приемную мамочку, как ее пропавший перстенек. А если бы я помогла ему убрать с дороги еще и дядюшку, то он вообще остался бы полноправным хозяином двухкомнатной квартиры. Да еще и перстень найдет – будет при больших деньгах. Одним словом, полный ажур. Живи не хочу!

Ну, нет, Андрюша! Это ты очень зря сделал, что пытался меня подвязать к своим грязным делишкам. Я такое не только не прощу, я теперь начну с тобой разбираться. Хотел сделать меня соучастницей преступления? Со мной такие фокусы не проходят! Но вот из «прослушки» донеслось: «Давай, пока!» Я выключила ее и выжала сцепление. Время позднее, пора отдыхать. Поеду домой, хорошенько все обдумаю, а завтра...

* * *

Назавтра был выходной. Я совсем забыла об этом, так как на работу мне не идти, и вспомнила только утром, когда включила приемник. Женщина-диктор счастливым голосом сообщила, что сегодня суббота, такое-то число прекрасного месяца мая... Погода за окном теплая, светит солнышко, продолжал вещать голос из динамика, как будто мы сами не видели это в окно. Значит, суббота? Значит, у моего друга капитана милиции Лени Удовиченко сегодня выходной. Жалко. Можно было бы отправиться к нему и рассказать новые сведения по делу об убийстве Лютиковой. Но ничего, я время даром не потеряю. Буду лежать дома на диване и обдумывать то, что удалось узнать. А что мне удалось узнать? А то, что, во-первых, наш дядя Коля вряд ли причастен к смерти своей сестры. Благородство этого человека просто поражает. Если премянничек просил побыстрее сварить своего дядю кипятком, то дядя, напротив, просил племянника даже не подозревать. Хотя, по всему видно, что отношения у них, мягко говоря, не слишком родственные. Ну и что? Это ни о чем не говорит. Он и не обязан любить приемного сына своей сестры. Это она усыновила мальчика, а не он. Еще неизвестно, что вытворял этот приемыш в новой семье. Может, он вилки из буфета таскал и регулярно убегал из дома.

А может, Николай вообще был против Андрея? Что ж, вполне возможно. Еще один член семьи в их маленькую тесную квартирку... А точно, что квартирка маленькая и тесная? Я ведь этого не знаю. Может, мне напроситься в гости к дяде и все посмотреть самой? А что, это мысль! Пожалуй, я так и поступлю. Вот только позавтракаю в компании дедули.

Я быстро приняла душ и спустилась в кухню. Ариши там не было, значит, он вчера вернулся поздно из своего казино. И когда только дед бросит свое азартное увлечение?! Скоро семьдесят, пора бы успокоиться, о здоровье подумать, а он...

Я начала заваривать кофе. Будить старика не буду, почувствует запах, сам проснется. Когда я уже доставала из тостера хлеб, в дверях кухни появилась заспанная физиономия Ариши.

– Bon matin, Polett! Что, уже и завтрак готов?

– Готов, дедуля, и тебя дожидается.

– Тогда я пошел умываться...

Мы пили кофе и ели тосты с сыром.

– Что у тебя нового в твоем деле? – спросил дедуля.

Я достала из холодильника баночку с клубничным джемом и поставила на стол.

– Боюсь, что тот, кого просили... убрать, невиновен.

– Ты это точно знаешь?

– Нет, конечно, не точно, но все говорит об этом. Просто кричит. Вот смотри, дед: племянник просит убить своего дядю. Топает копытами, доказывает мне, что его дядя – просто мразь. А вот дядя, напротив, защищает племянника, хоть и неродного. Просит даже не подозревать его в смерти своей сестры. Как тебе такое?

– Хм... Да, согласен. Племянничек, мягко говоря, не обладает избытком благородства.

– А раз он просит прикончить дядю, значит...

– Дядя ему мешает.

– Причем, дед, заметь: он пытался убрать его *моими* руками. Давил на жалость. Мол, помогите, Полина, а то меня, такого молодого, хорошего, чего доброго, еще посадят! Моей карьере придет конец и все такое...

– Да, Полетт, хорошо, что ты все проверяешь, прежде чем натянуть свой робингудовский лук.

– Дедуль, натягивают не лук, а тетиву.

– Ну это все равно... подай-ка мне джем! И кофейку плесни еще, пожалуйста!

Я налила себе и Арише еще по чашке кофе и положила в тарелку печенье. Дед очень любил мазать печенье джемом. Вообще он был сластеной, хотя упорно открещивался от этого.

– Так что ты теперь хочешь предпринять, Полетт?

– Во-первых, надо бы поговорить с этим дядей о его отсидке, или, как говорят в его кругах, ходке. Когда-то он получил срок за избиение двух пацанов на улице. Хочу узнать, как там все было. Андрей меня уверял, что его дядя просто бешеный, кидается на людей на за что ни про что. Потому, мол, и маму убил, и вообще он ее ненавидел. Но я поймала Андрея на лжи и теперь ему не верю. Да и непохоже, чтобы дядя Коля так уж ненавидел свою сестру. Он говорил о ней спокойно, без злости, но и без лишней восторженности. Так что мне, кажется, стоит посетить дядю в той самой злосчастной квартире, из-за которой, как убеждал меня Андрей, весь сыр-бор.

– А во-вторых?

– Во-вторых, надо поговорить обо всем этом с Леней Удовиченко. Он ведет это дело, вот пусть и занимается и дядей, и племянником. Надо только натолкнуть его на мысль, что сын погибшей пытался устранить своего дядю. И вообще пусть хорошенько проверит его алиби. Мне кажется, что Леня как-то не совсем добросовестно подходит к своим обязанностям. Он должен все проверять и перепроверять, а он успокоился тем, что у сына есть алиби: женщина-бухгалтер, с которой он в тот день задержался на работе, подтвердила этот факт. Но проверял ли кто-то ее слова? Непонятно. И вообще, дедуль, это дело такое мутное... Там

все надо проверять и перепроверять. Андрею я вчера поставила «жучок» и послушала его телефонный разговор с кем-то из его знакомых.

– Так, так... И что же? Много интересного узнала? – оживился дедуля.

– Меня насторожили его слова: «Да нет, все обошлось...» Что обошлось? Как будто он боялся чего-то. Говорил, что я задавала ему какие-то дурацкие вопросы. «Какие, какие! Разные...» Я его спрашивала, почему они с матерью не купили себе отдельную квартиру. Ну, в самом деле, дед, если у них были разборки из-за этой злосчастной «двушки», взяли бы да и разменялись или купили другую квартиру.

– Не имели финансовых возможностей?

– Говорит, да. С деньгами, мол, напряг, а в ипотеке отказали. А про меня знаешь, что сказал? «Деловая, блин! Сама-то в каких хоромах живет! Коттедж в том самом поселке. Двухэтажный, там комнат восемь, да еще участок перед домом. Помещица, блин!» Похоже, Андрюша этот жутко завистлив. И вообще что-то он не выглядит огорченным смертью матери. Похоже, его больше занимают поиски ее перстня. Он так и сказал: «Перстень важнее. Он таких бабок стоит, что нам с тобой и не снилось!... Нашли бы перстенек, продали, эх и зажили бы!»

– Полетт, ты что, подозреваешь его в убийстве матери?

– Во всяком случае, допускаю, что это вполне вероятно. А что, парень молодой, вынужден снимать комнату в коммуналке. А там ворчливый дед-сосед, который вредничает, подслушивает, гостям дверь не открывает. Я сама слышала их перебранку. Кстати, Андрей, как оказалось, – хам, да еще самой низкой пробы! От такого все, что угодно, можно ожидать. Естественно, ему хочется жить в своей, а не в чужой квартире. Мамы уже нет, еще бы Коляна, как он выразился, отправить куда подальше. Точнее, на кладбище, к маме. Он так и сказал: «А то мешается под ногами, житья от него нет... Если бы и квартирка была наша, и перстенек!» Ну и как тебе такое?

– Да, вот фрукт! А прикинулся бедной овечкой!

– Поэтому, дедуль, я хочу сейчас съездить к Николаю. Посмотреть квартиру и заодно выяснить насчет его отсидки. За что-то же он изуродовал двух пацанов.

– Полетт, будь осторожна. Если он уголовник...

– Дед, он приезжал сюда, и я с ним уже говорила. Он совсем не выглядит уголовником.

– Да, но практически все маньяки не выглядят маньяками. Как правило, это вполне приличные на вид люди, да еще и хорошие семьянины в придачу! Так что не расслабляйся.

– Я не думаю, что он может навредить мне. Я не сделала ему ничего плохого. К тому же он сам обратился ко мне... Ну хорошо, я оставлю тебе его адрес. А ты звони мне через каждые десять минут. Если уж я не отвечу, ты, по крайней мере, будешь знать, куда вызывать милицию.

На такие условия дед был согласен, и я пошла звонить дяде Коле. Он без лишних вопросов согласился встретиться со мной на своей территории, так что через полчаса, прихватив еще один «жучок», я уже выезжала на своем «Мини Купере» из ворот нашего дома.

Глава 5

Улица Комсомольцев-Добровольцев – одна из самых красивых в нашем городе. Она расположена почти в самом центре. На ней стоят старые трех– и четырехэтажные «сталинки» с маленькими балконами с лепниной, большими окнами и разрушенными фонтанами во дворах. Нужный мне дом не отличался от своих собратьев – желтый, местами с облупившейся штукатуркой. На этаже было всего по две квартиры, а нужная мне забралась на самый последний, третий этаж. Красивая деревянная дверь с медной ручкой, «глазок», кнопка звонка – все было стильное и современное. Я нажала на кнопку, раздался звон корабельной рынды. А хозяева оригиналы! Или кто-то из них служил во флоте?

Николай открыл практически сразу, из чего я заключила, что он ждал меня. На нем были легкие домашние брюки и спортивная майка без рукавов, неспособная скрыть упругое мускулистое тело.

– Здравствуйте, Полина, еще раз. Проходите. Вот тапочки, если хотите...

– Нет, спасибо.

Прихожая была очень просторной. Большой шкаф с зеркалами – почти под потолок. Симпатичный пуфик – наверное, чтобы обуваться сидя. И еще здесь оставалось много свободного места. Обои под старину с золотистыми завитушками. Наверное, такие когда-то клеили в купеческих домах.

– Моя комната вот эта, налево.

Помнится, Андрей говорил, что его дядя со своей сожительницей занимал маленькую комнату. Если эта была *маленькой,* то какая же другая, большая?

В комнате было всего по минимуму. Диван, стол, небольшой шкаф, два маленьких кресла, на которые Николай указал рукой, приглашая меня сесть. И большой жидкокристаллический телевизор в углу. Все. Николай перехватил мой удивленный взгляд.

– Люблю большие телевизоры. Это – моя маленькая слабость. А еще люблю простор, поэтому не загромождаю комнату ничем лишним. Вы, Полина, как насчет кофе?

– Спасибо, я только что из-за стола.

– А чай?

Я тотчас вспомнила вчерашний бокал с ниткой, свисающей из него, и бумажную бирочку с названием чая. Меня передернуло, я торопливо замотала головой.

– Нет, нет, не беспокойтесь, ничего не надо.

Николай посмотрел на меня внимательно:

– Вы чай не пьете принципиально? Боитесь испортить прекрасный цвет вашего лица?

– Просто я капризна в этом вопросе. Я привыкла к хорошим дорогим сортам, а многие не могут позволить себе...

– Минутку!

Николай вышел из комнаты. И что сие означает, хотелось бы мне знать? Исчез так внезапно, можно сказать, просто вскочил и убежал! У него там что, молоко на плите? Воспользовавшись случаем, я воткнула «жучок» в кресло.

Хозяин вернулся буквально через пару минут.

– Полина, я приглашаю вас на кухню. По дороге можете помыть руки в ванной.

Что еще за фокусы? Однако я не стала отнекиваться, надо же, в конце концов, посмотреть его квартиру. Я встала и прошла вслед за хозяином обратно в прихожую, через которую мы вышли в небольшой коридорчик. Он вел на кухню. По дороге заглянула в ванную и вымыла руки. Эта комната тоже была достаточно большой. В ней стояла черная итальянская сантехника, точнее, только ванна и раковина.

– Туалет я сам сделал раздельным с ванной, – объяснил мне Николай, стоя в дверях и держа приготовленное для меня полотенце, – я ведь по образованию – строитель. И по профессии тоже. Кстати, весь ремонт в квартире я делал сам. Практически один. Здесь вот, – он хлопнул ладонью по стене, – гипсокартон. Плитку сам клал. Нравится?

Мне нравилось. Плитка была выложена ровно, швы заделаны мастерски. Да и цвет подобран со вкусом: темно-зеленый внизу и салатовый наверху прекрасно сочетались с желто-коричневой деревянной дверью.

Мы вошли в кухню. Она тоже была большой и просторной. И здесь все было красивое, современное и подобранное со вкусом. Гарнитур не занимал много места, угловой диван со столом стояли у окна. На нем белели крохотные чашечки из китайского сервиза, сахарница, молочник и пара серебряных ложек.

– Прошу!

Николай широким жестом указал на диван. Мы сели за стол.

– Полина, разрешите угостить вас... Это – настоящий китайский зеленый чай с жасмином. Раз вы любите хорошие дорогие сорта... Уверяю вас, останетесь довольны.

Чай действительно был отменным. Николай разлил зеленовато-желтую золотистую жидкость по чашкам, по комнате поплыл густой аромат. Я удивлялась все больше. Бывший зэк, человек, сидевший за мордобой, и такой тонкий ценитель чая?! Кажется, хозяин прочитал мои мысли.

– Удивляетесь? – спросил он, отхлебывая из своей чашки.

– Да нет... Наслаждаюсь чаем, – не моргнув глазом соврала я.

Николай усмехнулся:

– Вижу, что удивляетесь. Но я очень люблю чай все равно какой – черный, зеленый, – лишь бы был настоящий, а не крашеные опилки, которые некоторые производители пытаются выдать за этот удивительный продукт. К этому напитку, кстати, меня пристрастила сестра. Царство ей... Она тоже любила его до безумия. Могла смаковать часами... Да, Полина, о чем вы хотели со мной поговорить? Вы ведь пришли ко мне не чаевничать?

– Николай, позавчера вы обратились ко мне со своим несчастьем. Сказали, что недавно была убита ваша сестра, что расправились с ней очень жестоко, и менты подозревают вас. Вы попросили помочь найти настоящего убийцу. Все было именно так?

– Да. Но еще я сказал, что меня теперь не подозревают, так как мое алиби подтвердила...

– Дама вашего сердца. Я помню. Вы не передумали?

– Искать убийцу? Нет, конечно. Я понял одно: менты его не найдут. Им все до фени. Они будут тянуть время, а потом скажут, что это «висяк» или что-нибудь в этом роде.

– Откуда вы знаете, что будет именно так?

– Эх, Полина! – Николай встал и направился к бару. – Я ведь сидел. И все их процедуры мне пришлось пройти «от» и «до». Вызов в ментовку, показания, адвокат, «предвариловка», суд... Потом тюрьма. Три года. От звонка до звонка. Ни дня не скостили за примерное поведение. Что, испугались?

Хозяин достал из бара бутылку начатого коньяка и две рюмки, посмотрел на меня с легкой усмешкой. Но мне бояться было нечего.

– Я не из пугливых, – сказала я как можно более спокойно.

– Это правильно, – Николай сел за стол. – Будете?

– Я за рулем.

– А я буду. – Он плеснул в обе рюмки немного коньяка, поднял одну. – За вас.

– За что вы сидели?

Своим вопросом в лоб я надеялась сразить его наповал, но у Николая были крепкие нервы. Он усмехнулся, поставил пустую рюмку на стол и посмотрел мне в глаза долгим вни-

мательным взглядом. Не знаю, надеялся ли он смутить меня этим или преследовал другую цель, но я опять не дрогнула и не отвела глаза от его зеленых насмешливых глаз.

– Хотите знать, за что сидел? Ну-ну... Полина, вам когда-нибудь доводилось сталкиваться с наркоманами? Нет, не с теми, которые тихо ширяются в подвале или нюхают свою хрень где-нибудь в общественном сортире. А с теми, которые, испытывая ломку, выходят с ножом в подворотню и готовы на все, лишь бы добыть денег и дозу и избавиться от невыносимой боли.

Я отрицательно мотнула головой.

– Я так и думал. И дай вам бог не сталкиваться никогда. Страшные люди. Да, собственно, уже не люди. Эти придурки потеряли все: совесть, мозги, здоровье, семью... Для них люди на улице – это уже не люди, а кошельки на ножках, поэтому они режут прохожих без всякой жалости.

Однажды именно такие подошли ко мне в темной подворотне. Их было трое. Глаза пустые, руки дрожат... Окружили со всех сторон, говорят, мужик, гони бабки, а то плохо тебе будет... Один из них достал нож. Не скажу, что очень большой, но проткнуть легкие или желудок – пойдет.

А я, Полина, будет вам известно, в прошлом спортсмен-боксер. Без малого девять лет отзанимался, ушел в связи с травмой головы, из-за которой у меня начало падать зрение. И когда мне грозят, у меня включается защитная реакция. Причем автоматически, без моего умственного участия или желания. Увидев нож, я саданул того пацана в нос резким ударом. Он же, как зомби, реакция у него замедленная. Нож у него сразу выпал, потом его, кстати, так и не нашли. Кому-то это, как видно, было нужно.

– И что же дальше?

Но Николай не успел ответить. Зазвонил мой сотовый. Пришлось включить его.

– Да, дедуля!

– Полетт, как ты там?

– Все нормально.

– Точно нормально?

– Точно, точно.

– Хорошо. Но я буду позванивать. – Дед отключился.

– Один из них сразу убежал, смекитил, что лучше сделать ноги. А двое остались. Ну, я им за смелость и отвесил. Чтоб неповадно было прохожих на улице грабить. А что, я, по-вашему, не прав?

– Мне трудно судить.

– Вот-вот, мне и следователь потом говорил: ты, мол, что, судья решать, кто чего заслужил? Не надо было их трогать. Ты бы им объяснил: мальчики, грабить прохожих нехорошо, не делайте так больше. Погрозил бы им пальчиком, они бы и поняли! Ага, говорю, как же, поняли бы! За неделю до этого недалеко от того места, где меня тормознули, избили и ограбили девчонку шестнадцати лет. Отобрали кошелек, цепочку и сотовый. А ей в благодарность за такую добычу пробили голову железной трубой, да так, что она на всю жизнь дурочкой осталась. А я, зная это, должен был вести душещипательные беседы с этими отморозками?! Нет уж. Меня перспектива быть овощем не прельщает. И не такие уж они мальчики, скажу я вам. Старшему, как потом выяснилось, уже восемнадцать стукнуло, самому младшему – шестнадцать. Да такие лоси любого взрослого мужика насмерть забьют и не ойкнут! Так что я жизнь свою защищал.

– Почему же вам так много дали? Разве это не была самооборона?

– Была. Но с превышением. Не рассчитал я, видите ли. Я в такой ситуации должен был еще рассчитывать силы. На меня трое с ножом идут, а я – прикидывай, как их поаккуратней стукнуть. Ну не дурдом?! Прокурор вообще договорился до того, что посоветовал просто

убежать от них. Я ему объяснил, что я не марафонец, а боксер. Да и не убегать от таких надо, а останавливать любыми способами. Будь в тот день на моем месте простой человек, не спортсмен, догадываетесь, что бы с ним было?

Ну что ж, Николай прав. Здесь трудно спорить.

– А ваш адвокат что же?

– С адвокатом мне просто не повезло. Денег на хорошего у меня тогда не было. Сестра лежала в больнице, ей только что операцию сделали. Уверен, она денег достала бы. Мне дали какого-то сопливого практикантика. Он едва с институтской скамьи задницу (извините!) поднял. Что он мог? Так, лопотал что-то на суде для вида...

Николай плеснул себе еще немного коньяка и выпил залпом.

– Полина, хотите еще чая?

– Нет, спасибо.

– А может, все-таки коньячку? Пятьдесят грамм. Вещь хорошая...

– Верю. Но за рулем я не пью.

– А если мы поставим машину на стоянку?

Я внимательно посмотрела в глаза Николая. Он сделал то же самое.

– Зачем?

– Ну, посидим вдвоем, коньячку выпьем... У меня хорошая музыка есть... А если хотите, можем в ресторан сходить.

– Извините, Николай, я не по этой части.

– По какой «по этой»? Полина, вы что, обиделись? Да вы все не так поняли!

– Николай, давайте определимся раз и навсегда: спиртное я не пью, по ресторанам не хожу... Личных отношений с клиентами не завожу.

– А вот это напрасно. Я считаю, молодая симпатичная девушка может позволить себе иногда отдохнуть, расслабиться...

– А я и не напрягаюсь. Давайте лучше уточним такой вопрос. Вы с сестрой жили в этой квартире. Она занимала большую комнату, вы – маленькую. Так?

– Да, все правильно. У нее был муж, потом вот пацана взяли из детдома... Их было трое, я – один. Потому они и занимали большую комнату. Мне одному много ли надо?

– Вы никогда не были женаты?

– Нет. То учеба, то армия – три года во флоте, потом работал, сидел...

– А комнату вашей сестры можно посмотреть?

– Конечно! Только что вы там собираетесь увидеть? Мебель? Ковры?

Николай направился к двери, я – следом. Комната, в которую мы зашли, была намного больше той, которую занимал Николай. В ней было два окна. Ширма перегораживала комнату почти пополам. Здесь тоже была хорошая добротная мебель в стиле рококо. Горка, ломберный столик, кресла, канапе, деревянная кровать-«полуторка» под девятнадцатый век...

– Они здесь жили втроем? – уточнила я.

– Да. Ярослава с мужем спали на кровати, за ширмой. Андрей – на канапе. Когда уже оканчивал институт, стал снимать отдельное жилье. Считал неудобным жить с родителями в одной комнате.

– Большая... Сколько здесь метров? – уточнила я.

– Кажется, двадцать шесть или что-то около того.

Мы вернулись в кухню. Хозяин налил мне еще зеленого чая, я решила не отказываться.

– Николай, у вас большая просторная квартира. По сегодняшним меркам – просто шикарная. Почему вы с сестрой не разменялись?

– На что? Я, если честно, прикидывал варианты... Нам светили в лучшем случае две однокомнатные квартиры в отдаленных районах в простых «хрущобах». А сестра эту квартиру любила. Мы ведь оба здесь родились и выросли. Вы сами видите – потолки высокие,

комнаты большие и светлые... Здесь простор! Таких сейчас немного. Жалко такую красоту менять на черт знает что. При Сталине строили добротно, на века... Потом стали гнать халтуру. Лишь бы больше, а на качество никто внимания не обращал. А потом ведь я сам делал здесь ремонт. Все своими руками. Здесь все добротно, все на совесть. Да вы сами видите...

Я покосилась на Николая. Хвалится? Впрочем, есть чем.

– Кстати, Полина, вы знаете, почему меня не выпустили досрочно? Я делал ремонт в тюрьме, в служебных помещениях. Начальнику так понравилось, что он привез меня к себе домой, я и у него там все обустроил. Можно сказать, один сделал перепланировку и евроремонт.

– Так вы с сестрой из-за квартиры не ругались?

– Полина, вы что, на слове меня поймать хотите? Как следователь? Говорю же: нет, мы не ругались ни из-за квартиры, ни из-за чего другого. Мы с сестрой жили дружно. Она меня практически вырастила, была мне как мать... Я что, по-вашему, фуфло, дешевка?!

– Хорошо, хорошо. Тогда давайте уточним насчет перстня. Вы говорили, у вашей сестры был какой-то перстень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.